

INSPIRIA

КНИГА
ЛЕГЛА
В ОСНОВУ
СЕРИАЛА «ВЕРА»

КОМНАТА ИЗ СТЕКЛА

УБИЙСТВО ПО СОСЕДСТВУ:
СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭНН КЛИВЗ

INSPIRIA

Вера Стенхоуп

ЭНН КЛИВЗ

Комната из стекла

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кливз Э.

Комната из стекла / Э. Кливз — «Эксмо», 2012 — (Вера Стенхоуп)

ISBN 978-5-04-187890-0

ОТ ЛАУРЕАТА САМОЙ ПРЕСТИЖНОЙ ПРЕМИИ В ДЕТЕКТИВНОМ ЖАНРЕ CWA DIAMOND DAGGER AWARDS. КНИГА ЛЕГЛА В ОСНОВУ СЕРИАЛА «ВЕРА». В уединенном Доме писателей на побережье Нортумберленда проводится курс для начинающих авторов «Литературное вскрытие: Как писать короткий детективный рассказ». Целую неделю участники оттачивали свое мастерство и продумывали безупречный сценарий убийства. Неудивительно, что однажды вечером на балконе находят тело одного из преподавателей с застывшей гримасой ужаса на лице. Практически у каждого в доме имелась причина желать смерти Тони Фердинанду, но только Джоанну Тобин видели с ножом в руке рядом с убитым. По счастливой случайности, она – близкая соседка и подруга инспектора Веры Стенхоуп, которой уже давненько не приходилось распутывать сложные дела. Вскоре становится ясно, что женщину подставил настоящий преступник. Только как вычислить убийцу среди тех, кто зарабатывает себе на жизнь, сочиняя идеальные преступления? «Энн Кливз – одна из моих любимых писательниц детективов». – Луиза Пенни, автор серии об инспекторе Гамаше «Одна из лучших британских авторов детективов». – Daily Express «Энн Кливз – искусный мастер, поддерживающий наш интерес и медленно продвигающий к развязке. Ее простой язык и продуманное построение сюжета делают Кливз одним из лучших писателей-реалистов в детективном жанре». – Sunday Express

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-187890-0

© Кливз Э., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Благодарности	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Энн Кливз

Комната из стекла

Copyright © 2012 by Ann Cleeves

© Ударова Н.И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Благодарности

Спасибо всем, кто мне помогал, особенно Джули, Хелен, Наоми и Кэтрин из «Макмиллан», а также Саре Менгук и ее команде, разбросанной по всему миру.

Спасибо Полу Рутману – благодаря ему и возникла идея этой книги. И спасибо Бренде, Дэвиду, Вунми и Элейн, которые помогли познакомить Веру с более широким кругом читателей.

Глава 1

Вера Стенхоуп выбралась из древнего «лендровера» Гектора и почувствовала, как ноги у нее слегка подкосились. «Лендровер» Гектора. Отца уже давно не было в живых, но в мыслях она все равно связывала машину с ним. Она ненадолго остановилась, чтобы поглядеть на раскинувшуюся внизу долину. Помимо машины от отца ей досталось еще кое-что – вот тот дом.

«Ну и черт с ним, – подумала Вера. – Может, этого вполне достаточно, чтобы уже простить его».

На дворе стоял октябрь, и день потихоньку сходил на нет. В воздухе пахло дымом, горячей древесиной и холодком. Большинство деревьев уже сбросили листву, а лебеди-кликунуны вернулись на озеро.

По пути домой она заехала в магазин в Киммерстоне, и теперь на пассажирском сиденье лежали пакеты с продуктами. Вера виновато оглянулась по сторонам: нет ли на побережье кого из соседей? Эти воинствующие экоактивисты презирали целлофан, а после рабочего дня ей только лекции о спасении планеты не хватало. Но никого из людей на целый ярд вперед видно не было. Парочка куриц поклевывала землю на пяточке, заросшем сорняком. Тихо. Если б Джек трудился в сарае, то всю бы играла рок-музыка. Или заунывный блюз. Она забрала пакеты из машины, потом поставила их возле двери и стала искать ключ.

Но дверь, как оказалось, была открыта. Все тело Веры напряглось, но в то же время она почувствовала какое-то воодушевление. Не может быть, чтобы она ушла утром на работу, не заперев дом на замок. Во всю эту романтическую чушь о безмятежной жизни за городом, где можно оставлять входную дверь открытой, она никогда не верила. В небольших городках преступления тоже совершают. Она же читала отчеты: в благополучных школах Нортумберленда, рассчитанных на средний класс, наркотиками балуются точно так же, как и в любых других. Разница только в том, что у учителей привилегированных учебных заведений лучше получается не поднимать шума.

Вера локтем толкнула дверь, подумав, что только домушника ей сейчас не хватало. Да и что у нее брать? Любой уважающий себя вор отвернет нос от ее оксфамовской¹ одежды, несчастного компьютера и телевизора, которому уже лет десять. Но от самой мысли, что в дом кто-то забрался, становилось не по себе. Придется вызывать полицию, они перевернут все вверх дном, засыплют дактилоскопическим порошком, а потом поедут обратно в отдел и будут всем рассказывать, в каком бардаке она живет.

Вера, несмотря на свои внушительные габариты, двигалась тихо – научилась еще в детстве. Она остановилась в коридоре и прислушалась: по дому никто не ходит. Хотя, может, преступник перемещается так же бесшумно, как и она. Но какой-то посторонний звук все же был – потрескивали дрова, стреляли искры. Пожар? То есть горячей древесиной на улице пахло не от соседей, а из ее дома. Нет, это точно не пожар: ни черного дыма, ни языков пламени, ни жара – ничего этого, стоя в коридоре, Вера не заметила.

Она открыла дверь, ведущую в крохотную гостиную, и увидела своего соседа Джека. Он устроился в самом удобном кресле, где раньше всегда сидел Гектор. Он разжег дрова, которые Вера до этого сложила на каминную решетку, и теперь глядел на огонь. От ужаса, охватившего Веру вначале, и пришедшему ему на смену облегчения она не на шутку разозлилась. Чертовы хиппи! Вера дала им ключ на всякий случай, вдруг что, а они теперь приходят, когда им вздумается. До чего наглые!

– Ты какого черта здесь делаешь?

¹ В данном случае имеется в виду одежда от благотворительных организаций.

Джек поднял глаза, и Вера заметила, что по щекам у него текут слезы. Она выругалась про себя. Что случилось? Дома не все в порядке? Кто-то умер? Не надо было ей знакомиться с этим семейством. Только дашь слабинку – и люди начинают от тебя что-то требовать. А Вера терпеть не могла, когда от нее что-то требовали. Но тут она вспомнила, как Джек и Джоанна чистили дорогу от снега, когда ей нужно было ехать на работу. Или как она сама приходила к ним без приглашения, таскала бутылки с выпивкой, когда уж очень хотелось пропустить пару стаканчиков. А еще они втроем собирались за ужином на кухне, сидели, смеялись над какой-нибудь дурацкой шуткой.

Джек кивнул в сторону камина:

– Извини. Уж очень холодно у тебя. А как решил, что надо с тобой поговорить, сидеть дома уже не мог.

– Что случилось, Джек?

Он покачал головой:

– Джоанна... Я не знаю, где она.

Джек был родом из Ливерпуля, мягкая, чувствительная натура. Когда-то он служил в торговом флоте, повидал мир, а историй у него – начнет рассказывать ранним вечером за чаем, а к раннему утру, когда уже начинаешь потихоньку трезветь, еще и не закончит. После флота ему захотелось комфортной, спокойной жизни, и в возрасте около сорока лет он купил небольшой участок рядом с Вериним домом. Он вырос в городе, и все его представления о сельской жизни ограничивались ежегодным паломничеством на фестиваль в Гластонбери². Но так или иначе, жизнь его здесь сложилась. Без дела он не сидел и вечно что-то мастерил в сарае. Возвращаясь домой около полуночи, намучившись с очередным непростым делом, Вера заглядывала к Джеку, чтобы пожелать доброй ночи. Благодаря этому короткому контакту она могла считать, что ее коллеги все-таки не правы – друзья у нее есть. И жизнь – помимо работы – тоже.

– В смысле? – Вера старалась говорить спокойно, хотя, увидев мужчину, разводящего сопли, она тут же захотела ему треснуть.

– Два дня уже нет. И не пишет. Мне кажется, она больна, но не говорит об этом.

– Как больна? – уточнила Вера и, помолчав, добавила: – Рак?

Верина мама умерла от рака, когда та была еще маленькой. И до сих пор женщина побаивалась произносить это слово вслух.

Джек покачал головой. Свои седеющие волосы он собрал в хвост.

– Думаю, что-то с головой. Депрессия. Она уехала в понедельник, пока я ездил на Морпетский рынок. Наверное, такси вызвала. Сказала, что ей нужно побыть одной.

– Она сказала, что собирается уехать?

Джек снова покачал головой:

– Да нет, оставила записку.

Он вытащил из кармана джинсов клочок бумаги, положил на столик рядом и отодвинул чашку с кофейными разводами, которая стояла там уже дней пять, чтобы Вере было лучше видно.

Вера узнала почерк – Джоанна часто оставляла записки. Фиолетовые чернила, безукоризненно аккуратные буквы – острые, красивые. «Септик вывезли». «Посылка в сарае». «Приходи вечером на ужин». А тут: «Уеду на пару дней. Надо побыть одной. Суп в кастрюле. Не переживай». И никакой подписи, ничего.

– Пара дней, – сказала Вера. – Вернется. Или позвонит.

Джек поднял на нее грустные глаза:

– Она перестала принимать свои таблетки.

² Гластонберийский фестиваль современной музыки – фестиваль, который проводится с 1970 г. рядом с городом Гластонбери. Славится своими рок-концертами.

– Какие таблетки?

Вера знала, что Джек покуривает травку. У них дома пахло. Иногда, выпив как следует пива, он скручивал огромный косяк прямо у Веры дома, не думая, что она может попасть в неудобное положение. Как-то раз он даже ей предложил. Вере хотелось покурить, но она отказалась. Знала, как ей легко впасть в зависимость, пусть уж лучше ее грешки не нарушают закон. Наверное, Джоанна тоже увлекалась, хотя под кайфом Вера ее ни разу не видела. Джоаннин яд – красное вино, которое она пила из огромного бокала синего стекла.

– Все мое наследство, – как-то сказала она, подняв бокал к свету. – Все, что осталось от дома.

– Таблетки лития, – ответил Джек. – Ну, чтобы настроение туда-сюда не прыгало.

– Ты поэтому так переживаешь?

– Я уже пару недель переживаю. Она как-то странно себя вела. Не разговаривала толком, а теперь вот исчезла.

С момента их знакомства Вере стало ясно, что Джек Джоанну просто обожает. Он вечно на нее поглядывал и расцветал в ее присутствии. Джоанна была в теле, волосы желтоватого оттенка она вечно заплетала в косу. Пышные брови, широкий рот, большие карие глаза. Все ее черты – крупные, щедрые, руки и ноги – под стать. Носила она обычно красные кожаные ботинки, комбинезон, сшитый из лоскутов разной ткани, и свитера ручной вязки ярких оттенков. Если б Вере пришлось одним словом описать Джоанну, она бы назвала ее «жизнерадостной». Никогда бы не подумала, что у нее депрессия. Скорее наоборот. Джоанна вечно громко смеялась, последней уходила с вечеринок, любила обниматься и целоваться. Необязательно в романтическом смысле, но вот такая у нее была широкая натура. Вере казалось, в молодости Джоанна вполне могла быть актрисой или художницей. Или настоящей леди. Разговаривала она как аристократка. Так говорили на Би-би-си годах в шестидесятых. Но о ее жизни до встречи с Джеком Вера ничего не знала.

Вера пошла за пакетами, которые остались возле входной двери, и вытащила несколько бутылок пива. На столике рядом с чашкой валялась открывалка. Посвятить вечер домашнему хозяйству – поменять постельное белье, закинуть полотенца в стиральную машинку – видимо, не выйдет.

– Ну давай, – начала Вера, – рассказывай.

– Никогда не понимал, что она во мне нашла, – говорил Джек сбивчиво, и ливерпульский акцент зазвучал еще ярче.

– Да хватит напрашиваться на комплименты! – рявкнула Вера. – У меня нет на это времени.

Джек пораженно поднял глаза. Он-то думал, ему посочувствуют – и станет легче.

– А где вы познакомились?

Вера не была уверена, имеет ли это хоть какое-то отношение к делу, но вопрос и правда любопытный, и, возможно, так Джеку будет проще разговариваться.

– В Марселе. В портовом ресторанчике. Я там оказался после службы – контракт только закончился, получил деньги. А она сидела одна, на столе – бутылка вина, уже наполовину пустая. Она явно не просто так решила заказать бокальчик к своей рыбе. Она пила, чтобы напиться. Потом заметила, как я пытался объяснить с официанткой, поняла, что сам не справлюсь, и помогла мне с переводом. Она, конечно, та еще хвастунья. Мы и разговорились...

– А как она оказалась в Марселе?

– Сбежала от мужа. Богатенький подонок. – Голос его переменялся и зазвучал более пафосно: – Какой-то бизнесмен. Или банкир. Или дебил. Вот она и убежала как можно дальше от него – в Марсель.

– А почему она не вернулась в Англию?

Вере подумалось, что если уходишь от мужа, то хочется, чтобы рядом были друзья и семья.

– Некуда ей было возвращаться. Она же как белая ворона в своей семье. Они грозились поместить ее куда следует, если она уйдет от мужа. Понимаешь, в дурдом. – Джек ненадолго замолчал, потом продолжил: – Она пыталась покончить с собой. У нее на запястье есть шрам. Я еще тогда его заметил, когда мы сидели на марсельском солнце. И он так и не исчез. Она говорит, это ее боевая рана.

– Не замечала.

– Она поэтому и носит все эти браслеты. В общем, что было, то было. Со мной ей стало лучше. Я показал ее врачу, и если она принимает таблетки, то с ней все в порядке. Сказали, у нее биполярное расстройство. Даже не знаю. Я бы точно свихнулся, если б прошел через все то, что прошла она.

– Но она перестала принимать таблетки?

– Да. Говорит, все и так нормально, таблетки не нужны. – Джек замолчал и посмотрел прямо на Веру. – Мне кажется, у нее кто-то есть. И ей хочется ощутить это чувство, влюбленность, без лития.

– Да кто у нее может быть? – Вера решила, что Джек придумывает что-то совсем невозможное. – Крис из паба и ветеринар Артур. Больше она ни с кем и не общается.

– У нее есть свои друзья, – заметил Джек. – И свои интересы. Мы так с самого начала договорились – что я в ее жизнь не лезу.

Он немного помолчал, затем добавил:

– На прошлой неделе она говорила с кем-то по телефону, а потом, когда я зашел в комнату, тут же повесила трубку. И не сказала, кто это был.

– И куда она, по-твоему, поехала?

Вера допила пиво и решила, что Джека надо выпроводить до того, как она пойдет за второй бутылкой, которой хотелось насладиться в одиночестве.

– Без понятия. Если б знал, то поехал бы и забрал ее.

– Но ты же вроде не лезешь в ее жизнь?

Вера поглядела на Джека, ожидая услышать разумный ответ на свой вопрос.

– Может, ей и правда нужно несколько дней, чтобы побыть одной.

Отыскать Джоанну наверняка не составит особого труда. Такси на ферму приезжает только одной компании, все им пользуются. Можно связаться с Томми Вулером, и сразу станет ясно, где скрывается Джо. Если б Джек так не раскис, то тоже бы додумался так поступить.

– Она перестала принимать таблетки, – повторил Джек, слегка подавшись вперед, чтобы Вера поняла всю серьезность его слов. – Последние дни у нее постоянно менялось настроение: то она как заводная поет и смеется, то злится и кричит. Совсем не своя. Против ее воли домой я ее не потащу. Думаешь, мы бы жили вместе, если б она не хотела? Думаешь, я хочу, чтобы она была несчастна? Я знаю, ты думаешь, я тюфяк, но ради Джоанны я готов умереть.

Джек замолчал, чтобы перевести дыхание.

– Я боюсь за нее, боюсь, как бы она чего не сделала с собой.

– Думаешь, она может еще раз попытаться убить себя?

– Да, – ответил Джек. – Мне так кажется. Если вдруг что-то пойдет не так. Она же что-то себе напридумывала...

Вера поднялась. В пакетах у нее лежало кое-что из заморозки. Еще немного – и начнет таять.

– Так зачем ты пришел ко мне?

Джек поглядел на Веру так, словно она не в себе.

– Чтобы ты нашла ее, естественно. Чтобы мы знали, что она в порядке.

– А дальше что?

– И все.

Джек тоже встал, и они пошли к входной двери. На улице стало холодно, а на небе зажглись звезды.

– Главное – знать, что она в порядке.

Глава 2

«Господи, – думала Вера, – если б кто-то другой решил подработать на стороне и поиграть в частного детектива, я бы ему такую взбучку устроила».

Она стояла в пристройке и закладывала продукты в огромный холодильник – слишком большой для нее одной. До нее только что дошло, что в точно таком же Гектор держал туши животных и птиц, когда занимался незаконным производством чучел. После смерти отца Вера выкинула тот холодильник – слишком плохо из него пахло. Так зачем же она купила такой же новый? Какой-нибудь психолог-мозгоправ наверняка раздул бы из этого целую историю. Или сказал бы, что она одинокая гримза, у которой нет фантазии.

Почему она вообще пошла на поводу у Джека и согласилась искать Джоанну? *Да потому, что я слабачка и люблю, когда все заканчивается хорошо. Вот и теперь хочу, чтобы семья воссоединилась. Прямо-таки разъявшийся Купидон в резиновых сапогах. Да и без таких соседей придется тяжело.*

На кухне Вера открыла еще одну бутылку пива, выложила на тарелку мясной пирог, помидор, кусок хрустящего батона и сливочное масло – все еще в упаковке. С этим набором на подносе она отправилась обратно в гостиную. Огонь почти потух, и она подкинула в камин еще пару полешек.

Круглые часы 1930-х годов, стоявшие на каминной полке, показывали девять часов. Надо попытаться найти Томми Вулера. Обычно его можно застать за пару часов до закрытия в «Перси Армс» в Саллифорде.

У Томми высветился ее номер на телефоне:

– Ты где? Напилась и не стоишь на ногах? Надо отвезти домой?

– Ни капли в рот брала. Ну, то есть брала, но ты бы и не заметил. Я дома, все в порядке. Мне нужна кое-какая информация.

– Какая еще информация?

Томми явно насторожился. В молодости он был бунтарем. Не злым, но в чем-то диким и безрассудным парнем. Общался с плохой компанией, с которой познакомился в колонии для несовершеннолетних в Кастингтоне. Вера о ней никогда не спрашивала, но Томми, кажется, вечно был настороже.

– Два дня назад вы подвозили Джоанну Тобин.

Не вопрос – утверждение.

– Да, было дело.

Голос Томми звучал спокойно: он ничего не подозревал. Наверное, был доволен, что она не начала расспрашивать про старых дружков. Вера решила позже заняться ими – а то почему Томми так нервничает, не задумали ли они чего? Или пусть Холли займется.

– А куда вы ее отвозили? – Вера постаралась задать вопрос так, будто и сама знала куда, но позабыла.

Но Томми было все равно, ему хотелось побыстрее отправиться в паб:

– На побережье. В сторону Ховика.

– Куда именно, Томми?

В животе у Веры заурчало; с подноса на нее призывно глядел пирог.

– Куда именно – не знаю. Она сама показывала, как ехать. Куда-то к черту на рога. Адреса у нее не было, так что мы ехали без навигатора. Кошмар!

Томми замолчал, потом добавил:

– Она говорила: «Дом писателей». Странное название какое-то.

Он еще немного помолчал и затем спросил:

– Зачем она тебе понадобилась-то?

Но Вера не ответила. Она отключилась, а во рту у нее наконец оказался пирог.

Следующим утром Джек поджидал Веру во дворе. Она собиралась ехать в Киммерстон и вышла чуть раньше, думая, что так с ним не пересечется. Сколько же времени он провел на улице? Делал вид, будто ковыряется со своим старым трактором, но Вера прекрасно понимала, кого он ждет. Она подошла поближе и встала, широко расставив ноги и уперев руки в бока; голос – суровый. Так она обычно разговаривала со своими подчиненными, давая понять, что дело серьезное.

– Да, я обещала найти Джоанну, но искать я ее буду по-своему и тогда, когда мне удобно. Будут новости – сообщу.

Он кивнул и ничего не сказал. А для Джека, любителя пафосных фраз, чья жизнь – сплошные истории и рассказы, молчание означало очень много.

Вера уселась в «лендровер» и поехала на работу, чувствуя, как Джек провожает ее взглядом, пока она не скрылась из вида.

На работе она искала в «Гугле» Дом писателей. Нашелся он сразу и ничего особенно страшного из себя не представлял. Разве что кого-то пугают поэты и писатели. Этакое пристанище для пишущих людей. Там проводят различные курсы для авторов самого разного уровня, с проживанием. А чего она, собственно, ожидала? Что Джоанну похитил какой-то безумец, заточил в башню и ждет, когда она ответит ему взаимностью?

На фотографиях на сайте был изображен фермерский дом, покрытый побелкой. В рекламе говорилось, что часть дома совсем старая – когда-то давно ее укрепляли от совершавших набеги шотландцев. На одной фотографии и правда виднелась каменная зубчатая стена. Там же – небольшая темная часовня. Внутри Дом писателей был оформлен с большим вкусом, никакой готики. На кухне – плитка, потолок с открытыми балками, двери из массива. Уютные низкие диванчики без ножек, большие кресла и белая доска, по которой становилось ясно, что это не частный дом. Домом писателей, судя по всему, владела одноименная компания, во главе которой стояла некая Миранда Бартон.

На сайте также имелись фотографии преподавателей курсов, и кое-кого из них знала даже Вера. Например, драматурга, а еще поэта, который иногда мелькал по телевизору, рассказывая об упадке британской культуры. Плата за занятия показалась Вере непомерно высокой, и Джоанне точно была бы не по карману. Хотя, может, у нее остались какие-то сбережения от прошлого брака. Большими красными буквами значилось, что поступающие на курсы, проявившие особый талант, могут получить стипендию. А вот за это можно зацепиться: наверное, Джоанна получила стипендию, но Джеку рассказать постеснялась. Может, хотела сначала написать что-то стоящее, а уже потом ввела бы его в курс дела.

Ровно в тот день, когда Джоанна уехала, начался один из курсов – «Литературное вскрытие: как писать короткий детективный рассказ».

«Остроумно, – подумала Вера. – Эти ребята явно знают, как обращаться со словами».

Она кликнула по ссылке и тут услышала шаги в коридоре – сержант Джо Эшворт как штык прибыл на их утреннюю летучку. Пришлось выключать компьютер, при этом Вера почему-то почувствовала себя виноватой. Но почему – не знала.

Во второй половине дня Вера вошла в помещение, где стояли столы остальных сотрудников. За одним из них Джо заполнял отчет о сверхурочной работе.

– Я все, – сказала она. – Уйду пораньше – у меня накопилось свободное время после дела Листер.

– Пойдешь в тренажерный зал?

Джо хитро улыбался. Он прекрасно знал, что ей надо бы скинуть пару килограммов.

– Заткнись, – без злобы ответила Вера.

Целая неделя стратегических совещаний и аттестаций – и она с нетерпением ждала возможности выбраться из отделения. На улице было ясно и светло. Она ехала на восток мимо

недавно вспаханных полей. Солнце стояло низко, и деревья, выстроившиеся вдоль дороги, отбрасывали длинные тени; она чувствовала себя как никогда прекрасно. Так же хорошо ей было только во время последнего крупного расследования.

Вера распечатала карту с сайта Дома писателей. Приходилось то и дело останавливаться, чтобы проверить, туда ли она едет. Поиски Джоанны – в общем-то работа на стороне, так что поехала она на «лендровере» Гектора, а в нем никакого навигатора нет. Но как же здорово было почувствовать себя этакой хулиганкой.

Обогнув холм, она увидела Олнмут, его симпатичные домики и бухту, затем повернула на север, проехала мимо знамен и купольных конструкций королевского флота «Боулмер». Затем, после нескольких поворотов и сменивших друг друга узких дорожек, она заметила нужный дом. Расположившийся в крутой долине, выходящей к побережью, он со всех сторон – кроме морской – был окружен деревьями. Старая укрепленная усадьба с более новой пристройкой подальше от воды. Неподалеку – часовня.

Вера заехала на территорию через ворота, собираясь решить, что делать дальше и как быть с Джоанной. Вот она добралась до места, ну и что? А вдруг все участники курса сейчас вовсю обсуждают важность литературы и смысл жизни? В голове у Веры возникла картинка: вот группа сидит кружком в комнате, которую она видела на фотографиях, все что-то пишут в своих блокнотиках, сосредоточенно нахмутив брови. И тут заходит Вера, говорит, что ей нужна Джоанна – конечно, они будут в восторге от такой сцены. Только Джо явно придет в ужас. Нет, дорогая, надо проявить немного такта.

Должен же здесь быть персонал. Администратор, повар, уборщицы, которые заправляют кровати и чистят унитазы. В общем, кто-то, с кем можно поговорить и понять, что к чему. Если начинающие писатели отвалили столько денег за неделю на природе, то наверняка тут имеется и услуга.

Вера решила оставить машину и дальше пойти пешком. Надо сориентироваться на местности, затем дожидаться, пока групповое занятие подойдет к концу, а потом можно и с Джоанной поговорить.

На улице быстро темнело, становилось прохладно. Вера продвигалась вглубь долины по дорожке, полностью погрузившейся в тень. По утрам дом заливал свет, но сейчас он скрывался во тьме. Деревья в роще сбросили листву, усыпав ими землю, и в один момент Вера чуть не поскользнулась. Она подошла к воротам, ведущим к Дому писателей. На вывеске красовалось пишущее перо – такой же логотип был на их сайте. За вывеской – большой сад. За домом дорожка сужалась, превращаясь в тропинку, которая круто уходила вниз, к галечному пляжу. Его Вера видела из окна машины по дороге к дому. И никаких других построек в округе не было.

Самое подходящее место, если хочешь писать в спокойствии, чтобы никто не отвлекал. «Правда, до ближайшего паба далековато», – подумалось Вере.

Она зашагала к дому и все больше чувствовала, как ей становится не по себе. Называется, вышла из зоны комфорта. Здесь не получится потрясти удостоверением и заставить всех смотреть на нее с вниманием и уважением. Преступления-то нет. Да и неохота общаться с этими творческими выскочками, которые вечно жонглируют словами и идеями, а, по сути, ничего сказать и не могут. С такими она никогда не ладила. С преступниками, которых они отправляли на скамью подсудимых, куда проще.

Наконец Вера разглядела дом во всех подробностях: основное строение, рядом – старые пристройки. Может, старая конюшня, которую тоже переделали в жилое помещение. Окна все выходили на мощный участок, где раньше, видимо, располагался двор.

Справа – крошечная часовня, куда, наверное, ходило все обширное семейство, когда-то проживавшее на ферме. В доме уже горел свет, но шторы пока не задернули. Вера любила это время суток. Идешь по улице и мельком заглядываешь в окна, ловишь кадры чужого быта.

Да и какой ты детектив, если не отличаешься любопытством и не суешь нос в чужие дела? К большой передней двери Вера не пошла. Такая дверь наверняка автоматически запиралась изнутри, а звонить в латунный звонок, стоять на пороге и ждать ей не хотелось. По крайней мере, пока она точно не узнает, что Джоанна здесь, и не поймет, что происходит.

Вера обошла большой дом сбоку, держась подальше от галечной дорожки. Вместо этого она шла вдоль полосы травы, росшей прямо у стены. Двигалась она неслышно и, добравшись до первого окна, прислонилась спиной к дому.

Внезапно до нее дошло, как же глупо она, наверное, выглядела со стороны. Если, допустим, выше в долине оказались какие-нибудь орнитологи-любители с биноклями и она попала им на глаза, то они точно примут ее за сумасшедшую. Ну или за незадачливую грабительницу. Все еще прислонившись к стене, чтобы из дома ее не заметили, Вера заглянула внутрь. Кухня. Молодой человек в белом фартуке стоял к ней спиной и что-то помешивал в кастрюльке. На столе – чайник и две голубые кружки. За столом сидит пожилая женщина и читает рукопись. Выглядела она довольно стильно: крашеная блондинка с красным маникюром. Та самая Миранда Бартон, что ли? В любом случае Джоанну она не заметила, так что, пригнувшись, Вера пошла дальше.

В следующей комнате не было никого. Похоже, библиотека. Вдоль стен выстроились книжные шкафы. Несколько небольших столов и прямые, обитые кожей стулья. Вера вернула за угол и оказалась на выложенной плиткой веранде с видом на море. За верандой на траве на длинной деревянной подставке стоял скворечник с разнообразными кормушками. В них – орешки и семечки. К северу, на островах Фарн, виднелся маяк, на юге – остров Коке. Летом здесь, наверное, хорошо. Вера представила, как участники курсов собираются тут по вечерам после насыщенного дня, пьют дорогое вино, делятся идеями. Воображали. И почему ее так тянуло позлорадствовать? Видимо, потому, что в компании тех, кто рассуждал о книгах, живописи или кино, она чувствовала себя не в своей тарелке, настоящей невеждой.

Вера остановилась прямо на повороте, потому что стена, выходившая на море, была почти полностью стеклянной – два больших окна от пола до потолка, а между ними – двойные стеклянные двери. За ними – длинная светлая комната. Та самая, которую Вера разглядывала на сайте – с диванами и широкими креслами. Там были люди. Занятие как будто только что закончилось, все уже поднялись со своих мест и теперь разговаривали. Видимо, у них было что-то вроде чаепития – в руках мелькали чашки, блюдца, на салфетках – булочки. На улице почти совсем стемнело, и Вера решила, что вряд ли ее заметят. К тому же собравшихся внутри явно больше заботили их собственные дела: лица выглядели оживленно и заинтересованно. Всего – шесть человек, но дверь в другую комнату приоткрыта, так что, возможно, кто-то уже ушел. Джоанны опять не было видно.

Вера постояла немного у окон, думая, могла ли ее подруга вписаться в такую компанию. Джоанна – с ее крупными руками и ногами, оглушающим смехом и вечной грязью под ногтями. Одета в что-то цветастое, сшитое дома. Будь Джо здесь, разве она не улизнула бы тут же в свою комнату, прячась от чересчур самоуверенных одноклассников?

Вера собралась идти к парадному входу, позвонить в дверь и позвать Джоанну. Она и легенду подготовила для прикрытия. Скажет, дома случилось ЧП – кто-то из домашних заболел – и якобы Джоанна в курсе. И тут Вера услышала громкий звук, который тут же отвлек людей за стеклянными дверями, самодовольно наслаждавшихся пустой болтовней. Крик. Неясно, кто кричал – мужчина или женщина, будто и не человек вовсе. Громкий, страшный, пронизывающий вопль.

Глава 3

Откуда доносился звук, Вера тоже не поняла. Из дома? Почему тогда так громко, хотя она стоит на улице? Этот крик словно окутал ее, поглотил целиком. Может, дело в высоте звука? Казалось, она слышит его не ушами: крик словно проникал через кости, и никуда от него нельзя было деться. Она отошла от дома на пару шагов и посмотрела наверх. Там точно такие же двойные двери, как и внизу, вели на выложенный камнем балкон. На балконе стояла женщина, которую Вера видела на кухне. Спину ей заливал свет, а сама она стояла, наклонившись вперед. Из ее легких вырывался крик, сотрясавший холодный воздух. Вере подумалось, что точно так же какой-нибудь пьяница очищает желудок после очередной попойки. Внезапно крик прекратился.

Казалось, будто у Веры ушло несколько часов, чтобы попасть в дом, – ее никто не замечал, и все это оживляло в памяти повторяющийся кошмар: совсем маленькая Вера точно так же не может попасть в дом, а там – умирает ее мама. И как она ни старается, забраться внутрь и спасти маму не выходит. А теперь уже взрослая Вера всю стучит в двери, ведущие на веранду, пытаясь попасть в комнату, где все только что пили чай. Но никто не открывал – видимо, все выбежали в поисках источника звука. Тогда Вера обогнула дом и пошла к главному входу. На улице стало темно, она оступилась, сошла с тропинки и оказалась в зарослях густого кустарника. Пробираясь вперед, Вера постаралась успокоиться и в итоге поняла, что идет не туда, потому что тропинка так и не находилась. Ветки царапали лицо, тянули за одежду. Вера заставила себя остановиться. Теперь она не маленькая и теряться не намерена.

Вдалеке она услышала слабый шум волн, бьющихся о гальку.

Вера развернулась в другом направлении: на небе над кустами четко вырисовались очертания дома. Она вернулась на тропинку, обогнула дом и подошла к входной двери. Оттуда не доносилось ни звука. Вера взглянула на часы и поняла, что бродила по саду почти двадцать минут. Затем провела пальцами по волосам, сняла с куртки сухой лист и позвонила в медный колокольчик, дернув за веревку, прикрепленную к тяжелой хлопушке. Ответа не последовало. В коттедже на другой стороне двора горел свет, и она направилась туда. Но тут дверь главного дома открылась, и она увидела молодого повара с кухни. На нем все еще был белый фартук.

– Сюда, – позвал он, а затем рассеянно добавил: – А как вы так быстро добрались?

Вера на мгновение почувствовала себя очень толстой Алисой в Стране чудес. Повар бросился по узкому коридору, и ей оставалось только следовать за ним. Парень был худой и очень смуглый, руки и предплечья в черных волосках – Вера заметила это, когда он открывал дверь.

Через проем она увидела людей, но повар шел так быстро, что Вера не разобрала их лиц. Может быть, Джоанна тоже там. Дом внутри оказался намного просторнее, чем могло показаться снаружи: множество коридоров и комнат. Они поднялись наверх по небольшой лестнице. Вера к этому моменту перестала ориентироваться. Она обратила внимание только на внешнюю часть новой пристройки, а тут, без окон, было трудно определить, в какую сторону они идут.

– Была неподалеку. – Наконец они оказались на достаточно близком расстоянии, и Вера смогла ответить на вопрос.

Шли они так быстро, что она немного запыхалась.

– Скорую я тоже вызвал. Не знаю, долго им ехать или нет...

– Быстро они сюда точно не доберутся. Скорее всего, отправят машину из Алнвика.

– Вообще... – Молодой человек сделал паузу. – Думаю, можно не торопиться. Ничего сделать они все равно не смогут.

Он остановился в конце коридора и открыл дверь. Вера ожидала совсем другого: она надеялась увидеть спальню. Большую спальню с балконом. Но она снова почувствовала себя

Алисой. Никакой логики, будто улицу взяли и перенесли прямо в дом. Все вокруг было зеленым и живым. Вера замерла на пороге, а затем заглянула внутрь.

На втором этаже расположился зимний сад. Высокие потолки, но само пространство довольно узкое, сводчатый стеклянный потолок. С террасы внизу этого было не заметно. И со всех сторон стеклянные стены, у которых стоят плетеные кресла. На полу – плитка. Огромные растения в горшках с блестящими темными листьями – словно тропические джунгли в мини-атюре. Все растения – толстые, мясистые; на одном – стебель с розовым цветком. Пахло компостом и влажностью. Днем отсюда открывался великолепный вид на море. На единственной не стеклянной стене висело большое зеркало в зеленой раме. Зеркало, видимо, было старое, с дефектами: отражение слегка искажалось, и, посмотрев в него, Вера почувствовала тошноту. В комнате стояла духота.

– И что я должна здесь увидеть? – Вера потрянула головой, чтобы стало полегче.

– А вам что, не сказали? Мне пришлось обо всем рассказать по телефону.

Молодой человек прошел мимо растений и садовой мебели и открыл балконную дверь. Тут же внутрь ворвался прохладный ветер, стали слышны волны, набегающие в отдалении на галечный пляж. Балкон оказался широким, и по его углам залегла темнота. Повар резко повернулся к Вере:

– Вот!

Она вышла следом за ним и в тусклом свете, проникавшем из зимнего сада, увидела мужчину, скрючившегося в углу у каменного парапета. Колени у него почти доставали до подбородка. Странная поза, особенно учитывая его седину и явно пожилой возраст. А старики обычно не сидят вот так на полу, потому что потом трудно вставать, суставы хрустят. Да и кто будет сидеть на каменном полу в конце октября. Свет создавал странные тени на его лице: мужчина казался сердитым и возмущенным.

На нем был черный пиджак, светлая рубашка непонятного цвета. И почти вся – в крови. Кровь была и на каменном полу, и на стене. Как будто его ударили ножом, но только ножа поблизости видно не было.

– Кто это?

– Я же все сказал по телефону. – Молодой человек начинал что-то подозревать. – А вы вообще кто?

– Нам не все данные передают. – Вера показала удостоверение.

К счастью, в кармане сумки ей удалось его быстро нащупать. Держала она его так, чтобы свет попадал на фотографию.

– Инспектор Стенхоуп. А вас как зовут?

– Алекс Бартон.

– Хозяйка – ваша мать?

Вера сначала решила, что молодой человек здесь просто работает, так что в голосе ее звучало явное удивление.

– Мы оба здесь всем управляем. Я ее деловой партнер. Хотя порой так и не скажешь.

Тон у Алекса был недовольным, и, очевидно, он пожалел, что произнес последнюю фразу вслух. Сейчас явно не лучшее время для высказывания собственных обид.

– Не хотите узнать, что произошло? Вам надо поговорить с...

– Не переживай, поговорю. Но для начала расскажи мне о пострадавшем.

Вера терпеть не могла, когда ей указывали, как нужно делать ее работу. Она взяла парня под локоть и вывела обратно через стеклянную комнату странной формы в коридор.

– Вот здесь и поговорим. Нечего топтаться на месте преступления.

Она заметила небольшое помещение, где сходились два коридора. Там стояли кресла и низкий журнальный столик, заваленный деловыми газетами и литературными журналами. Окна не было, и свет шел лишь от тусклого бра с красным абажуром.

Это место не казалось самым подходящим для чтения, а весь дом больше смахивал на декорацию, где вряд ли занимаются каким-то настоящим делом. Вера осторожно опустилась в кресло, Алекс сел напротив.

– Где все остальные? – спросила она. Обычно подобные происшествия всегда привлекают публику.

– Я сказал подождать в гостиной.

– А они всегда делают то, что ты говоришь, да?

Алекс не ответил, и Вера продолжила:

– Что можешь рассказать об этом мужчине с балкона?

– Вы что, не узнали его?

Вопрос прозвучал как-то высокомерно. Очень похоже отреагировал официант в одном ресторанчике, когда Вера пыталась заказать чипсы.

– Знаменитость какая-то?

– Это Тони Фердинанд. Профессор Тони Фердинанд. Ученый, обозреватель и эксперт по искусству. Наверняка видели его в «Культурной передаче». А на «Би-би-си-4» у него вышел многосерийный фильм о современной прозе.

Ответа Веры Алекс дожидаться не стал – вряд ли она постоянный зритель «Би-би-си-4».

– Боже, какой кошмар! – продолжил он. – Мы больше никогда никого из Лондона не сможем пригласить. Что про нас будут писать? «Сумасшедшие студенты режут глотки преподавателям!» Этих придурков и так сюда не заманишь...

– Значит, он здесь преподавал?

Но особой любовью не пользовался, решила Вера, раз в первую очередь Алекс подумал не о несчастном человеке, а том, какую рекламу им сделает этот случай.

– Да, он почтил нас присутствием.

Алекс понял, что Вере требуется чуть больше информации, и объяснил:

– Он приезжал в Дом писателей раз в пару лет, выступал в роли наставника. Давал понять, что оказывает моей матери огромную услугу. Они давно знакомы. И он очень помог, когда мы организовали писательские курсы.

Парень помолчал и, чтобы не показаться слишком черствым, добавил:

– Мне очень жаль. Поверить не могу, что его больше нет.

– Давно вы его знали?

Вопрос Вере показался забавным. Этот паренек совсем молоденький, наверное, проработал здесь всего ничего.

– Да сколько себя помню, с детства. Тони работал с моей мамой в колледже Святой Урсулы. Когда ее впервые опубликовали, он написал хорошую рецензию, мамина карьера пошла в гору.

Вера не очень понимала, как у них все устроено. Что еще за колледж Святой Урсулы? Какой-то неведомый мир.

– Она тоже писательница?

– Конечно. Миранда Бартон! – Алекс помолчал немного. – Но сейчас она уже не так популярна. Ей только не говорите, что никогда про нее не слышали. Она очень расстроится.

– Прости, приятель, у меня не так много времени, чтобы читать всякие сказочки. С моей работой.

Через толстые стены дома донесся далекий звук полицейской сирены. Местный наряд полиции решил во всеуслышание возвестить о своем прибытии. Зачем сирену-то включили? Захотели распугать всех овец и тракторы в придачу?

– Что мистер Фердинанд конкретно здесь делал? – Вера продолжила разговор. – Вел курс «Литературное вскрытие»?

– Ну, в теории – вроде того.

Вере вновь показалось, что в голосе молодого человека сквозила какая-то обида. Похоже, не так все просто. По крайней мере, ей хотелось, чтобы все было не просто. Она любила вгрызаться в расследование зубами, любила доказывать всем, какой она блестящий сыщик.

– А на практике?

– Он приехал потешить свое эго. Чтобы убедить себя, что он все такой же авторитет, как и раньше. В 1990 году в «Обзервере» написали, что он «зажигает новые звезды». И мне кажется, он всегда выискивал кого-то нового, показывая так свою значимость в литературном мире.

Вера снова ничего не поняла, но сейчас было не лучшее время для демонстрации собственного невежества.

– Кто нашел тело? – спросила она.

Алекс откинулся на спинку кресла, будто внезапно устал.

– Мама. Тони планировал провести небольшую встречу перед ужином. Ему задают вопросы, он отвечает. Как найти агента или издателя, как подавать рукописи. Один из самых популярных семинаров за всю неделю. Практические советы, как довести книгу до публикации. За этим слушатели и приходили. Надеялись, что Тони признает их гениальность и кому-то порекомендует. Он был очень харизматичным. Один раз похвалит – и ученики начинают верить в себя, в свой писательский дар. Но Тони не вышел к чаю, и мама пошла его искать. Он любил бывать в комнате из стекла.

– Вы так ее называете? Комната из стекла?

– Да.

Алекс снова с подозрением поглядел на Веру.

– Такого обычно не случалось? Он всегда приходил вовремя?

– Чаще всего – да. Тони – человек непростой, но настоящий профессионал.

– Ваша мать поднялась сюда и увидела его на балконе?

Вере это показалось странным. Если ищешь кого-то в доме, то, скорее всего, просто заглянешь в комнату, не заходя внутрь. Почему мать Алекса решила идти на балкон, и именно в тот угол, где лежал Фердинанд?

– Да, – подтвердил Алекс. – А потом началось...

Хотя молодой человек и сказал, что поражен убийством, особых чувств Вера за ним не заметила. Он делал все, что от него требуется, но не слишком переживал. Чего не скажешь о его матери. В ушах у Веры все еще звенел крик Миранды Бартон, его отголоски расходились по телу. И эта картина: человек на полу, лицо застыло в озлобленной гримасе, весь в крови – ужас. Но не только ужас слышался в ее вопле. Было в нем что-то личное, что-то материнское – будто она кричала о своем ребенке. Или о своем возлюбленном.

– Эта комната находится прямо над гостиной, – продолжал Алекс, – так что крик слышали все, кто пришел на чаепитие. Они выбежали посмотреть, что случилось. Меньше всего мне хотелось устраивать из этого представление, так что я сказал всем подождать внизу. Маму легко вывести из себя. Мне стало очень неловко – я подумал, она разыгрывает очередной спектакль. Но когда увидел Тони, то отправил ее вниз, попросил другого преподавателя, Джайлса Рикарда, отвести ее в наш коттедж. А сам пошел в кабинет, чтобы вызвать полицию.

– И скорую помощь, – добавила Вера.

Впервые за разговор он криво улыбнулся:

– Понимаю, это глупо. Но это мой первый покойник. Наверное, я хотел, чтобы приехал какой-то медик, чтобы он сказал, что нет, мне это не привиделось. Я не знал, что делать...

В дверь начали звонить.

– Это местная полиция, – объяснила Вера. – Открой им. Скажи, что я здесь, введу в курс дела. Они оцепят место преступления, а я начну заниматься расследованием.

Алекс встал и как-то странно на нее посмотрел.

– Какое расследование?

– Ну, это то, чем я зарабатываю на жизнь. Ловлю преступников.

В этой маленькой комнатке, где слабый красный свет отбрасывал странные тени на белые стены, Вера вновь почувствовала себя так, словно забрела в чей-то странный сон. Нужно, чтобы сюда пришел ее сержант Джо Эшворт, как всегда полный энергии и здравого смысла.

– Но я же все объяснил по телефону!

Алекс, кажется, совсем потерял терпение.

– Мы и так знаем, кто убил Тони Фердинанда.

– Твоя мать видела убийцу?

– Нет! Я видел. Я же говорил диспетчеру. Я шел в комнату из стекла, мать продолжала кричать, а я столкнулся с женщиной. Вот здесь, в коридоре. В руках она держала нож.

– Как предусмотрительно с ее стороны.

Вот черт, подумала Вера. Значит, снова придется заниматься скучными делами, жалкими наркоманами и драками в пабе. А она уже было подумала, что вырисовывается что-то интересненькое. И тут ей в голову пришла совсем тревожная мысль:

– У этой женщины, надо думать, есть имя?

– Одна из слушательниц курса. Мы заперли ее в комнате. Джоанна Тобин.

Глава 4

Комната Джоанны оказалась маленькой. У одной стены стояла односпальная кровать, у другой – письменный стол с лампой, стул и узкий платяной шкаф. На полу лежал красный ковер, а пододеяльник и шторы были более насыщенного красного цвета. За дверью скрывалась крошечная душевая. Немногим комфортнее, чем камера в тюрьме «Лоу Ньютон», где Джоанна, скорее всего, окажется, а по размерам – почти то же самое. Конечно, подумала Вера, суд может решить, что женщина сошла с ума, и тогда ее отправят в охраняемую психиатрическую больницу. Вера даже не знала, что хуже. Будь у нее выбор в подобном положении, она бы выбрала тюрьму. Там тоже полно психов, но зато ты точно знаешь, сколько придется сидеть. В Бродмуре³ срок всегда зависит от прихоти кучки психиатров и политиков.

Перед дверью в комнату Джоанны стоял мужчина. Высокий, крепко сложенный. Вера отметила, что когда-то он был в хорошей форме, но сейчас слегка обрюзг. Одет был в дешевые джинсы и толстовку. Он стоял, широко расставив ноги, а руки держал на бедрах. Классическая поза вышибалы. По его лицу ничего не определить, но Вере показалось, что ему все это очень нравится. В глубине души убийства увлекают всех почти так же, как и ее саму. Люди любят трагедии, страх холодит кровь, и они радуются, что сами еще живы. Мы придумываем истории, как кто-то кого-то убил, и пытаемся разгадать мотив. Развлекаемся. Понятно, мало кому будет весело, если жертва – близкий человек. Или если дружишь с убийцей. Вера пока даже думать не хотела, как же она расскажет Джеку о произошедшем.

– А ты кто? – спросила Вера у охранника, прежде чем тот открыл дверь.

– Ленни Томас.

По этому короткому имени и акценту она сразу поняла, что он из Ашингтона или какого-то другого бывшего шахтерского городка на юго-востоке графства. Явно не из сельской местности Нортумберленда.

– Работаешь здесь? Или тоже писатель?

Ей он показался разнорабочим или садовником, но кто знает, она и не таких научных сотрудников встречала.

– Писатель.

Он будто сам удивился тому, как себя представил.

– Слушатель или преподаватель?

– Слушатель, но профессор Фердинанд сказал, у меня большой потенциал, меня могут напечатать и он возьмет меня в аспиранты. Нет, только представьте! Получил бы магистра по литературе, хотя выпускные в школе еле-еле сдал. Но профессор сказал, это неважно, собирался замолвить за меня словечко. А такое словечко дорогого стоит. Это все знают...

Ленни мягко рассмеялся и без всякой горечи продолжил:

– Теперь не выйдет, похоже. Да я как чувствовал, что слишком уж хорошо все складывается. Таким, как я, никогда не везет. Но было здорово хоть ненадолго поверить, что все возможно.

– Раз он считал тебя хорошим писателем, то и другие так решат, – подбодрила Вера.

– Возможно.

Вера поняла: Ленни не сильно жаждал успеха и был не слишком уверен в себе, чтобы попробовать пробиться. Она кивнула на дверь:

– Как она?

– Не беспокоит, – ответил Ленни. – Тихая совсем.

³ Бродмур – старейшая психиатрическая больница строгого режима в Англии. В ней содержатся самые страшные серийные убийцы, насильники и другие преступники Британии.

И он отошел в сторону, пропуская Веру.

– Хотите, зайду с вами?

– Нет, и так нормально. Лучше налей себе чая.

Она заметила, как Ленни немного расстроился, но он ушел, ничего не сказав.

Джоанна сидела у окна и смотрела в сад. Уже совсем стемнело – вряд ли она что-то могла разглядеть. Она наверняка слышала, как открылась дверь, но поворачиваться не стала. Так и сидела, словно потерявшись в своем собственном мире.

– Ну, подруга, ты и попала.

Вера присела на край кровати. Она могла бы сесть на стул, стоявший возле письменного стола, но так удобнее и ближе к Джоанне. И если б Джоанна немного повернула голову, то Вера оказалась бы в пределах ее видимости.

– Один вопрос, – продолжила Вера. – Ты заставила его выйти на балкон, а потом зарезала или сначала зарезала в комнате, а потом вытащила на улицу? Что-то не могу понять. Мы узнаем, конечно, когда приедет патологоанатом, но так ты сэкономишь нам немного времени. В зимнем саду крови я не заметила, значит, все произошло на балконе?

Джоанна обернулась и будто только сейчас заметила Веру. Ее поза была почти царственной.

– Я не убивала его.

Джоанна, как и сказал Ленни, вела себя совершенно спокойно.

– Будет тебе. Тебя видели в комнате из стекла с ножом в руке!

– Все верно, – согласилась Джоанна. Говорила она, как и всегда, с сильным южным акцентом, отчего в голове тут же возникал образ этакой хозяйки поместья, открывающей деревенский праздник, или жены колониального губернатора. Прямо-таки леди Макбет.

– Мне нужна твоя одежда, для экспертизы.

Вера решила, что Джоанна совсем выжила из ума и одежду у нее надо забрать по-хорошему, пока она сговорчивая.

– Я была в той комнате, – согласилась Джоанна. – Но никого не убивала. Я его даже не видела. Наверное, он уже был мертв.

И хотя в убийстве женщина не сознавалась, она встала и начала раздеваться. Наготы она никогда не стеснялась. Однажды в очень жаркий июльский день Вера застала ее голой в пруду недалеко от фермы. Та громко рассмеялась, глядя на удивленную Веру: *давай сюда, вода отличная!*

Она все лето проработала в поле, и кожа ее до сих пор была загорелой, а тело – мягким и податливым. Вера увидела на крючке халат и бросила ей. Решив начать сначала, она спросила:

– Как ты вообще здесь оказалась?

Джоанна накинула халат и завязала пояс. Халат был шелковый и напоминал кимоно. Куплен он был всего за несколько пенсов в комиссионке, и Джоанна гордо принесла его домой, чтобы похвастаться перед Джеком.

– Разве для подобных бесед мне не положен адвокат?

Джоанна произнесла эту фразу так неожиданно властно и повелительно, что Вера удивилась.

– Думаю, нет. Но, если хочешь, давай все отложим до полицейского участка. Будут адвокаты, все под запись и по правилам. Так даже лучше. Я же еще не арестовала тебя и не огласила твои права.

По лицу Джоанны как будто пробежала тень.

– Извини, я всегда становлюсь такой, когда мне страшно.

– Джек сказал, ты перестала пить таблетки.

Упоминание Джека застало ее врасплох, и на мгновение Вере показалось, что она сейчас расплачется.

– На пару недель перестала, но снова начала. Я поняла, сейчас не время завязывать. И кто знает, настанет ли это время когда-нибудь.

Она посмотрела на Веру и широко улыбнулась:

– Не переживай. Я не сержусь.

Вере показалось, что она говорит правду. Вот Джоанна, которую она хорошо знает: шумная и причудливая, но рассуждает здраво. Но почему она зарезала этого эксперта по английской литературе?

– Давай еще раз, – повторила Вера. – Как ты здесь оказалась?

– Мне казалось, я неплохо пишу, – начала Джоанна, будто с трудом подбирая нужные слова. – По крайней мере, я думала, мне есть что сказать. Увидела статью о Доме писателей в «Ньюкасл джорнал». Они проводили что-то вроде конкурса. Я им кое-что отправила. Написала о Франции, о моей жизни там. Подробности, которые засели у меня в голове. В общем, я выиграла, и они выделили мне стипендию. Недельное обучение. Все бесплатно.

– Почему ты ни о чем не рассказала Джеку? Разве он был бы против? Он бы порадовался за тебя.

– Он думает, лучше не ворошить прошлое.

Джоанна отвернулась и посмотрела в темноту за окном. Она могла увидеть только собственное отражение в стекле.

– Он все принимает на свой счет. Думает, его одного мне должно быть достаточно.

– Потому что одной тебя достаточно для него? – спросила Вера.

– Он меня обожает, и я должна быть благодарна. Я очень благодарна.

Вере показалось странным вести подобный разговор с человеком, которого обвиняют в том, что он воткнул нож в сердце другому человеку. Но зато Джоанна расслабилась и говорила более открыто.

– Благодарность – сложное чувство, – сказала Вера. – Мне оно тоже дается непросто. Предпочитаю, чтобы люди были благодарны мне, а не наоборот.

– Да, – Джоанна улыбнулась. – У меня так же.

– Значит, ты выиграла в конкурсе и хотела отвлечься на несколько дней? Пожить для себя? Отдохнуть от фермы и Джека?

Джоанна подалась вперед, и ее длинная коса упала ей на плечо.

– Не совсем. Мне хотелось разобраться в своем прошлом, все осмыслить. Оглянуться и свежим взглядом оценить мой первый брак.

– Эх, подруга, ты как будто к психотерапевту приехала, а не рассказыки писать.

Джоанна запрокинула голову и залилась щедрым, глубоким смехом. Этот смех Вера помнила по вечеринкам и ужинам на их ферме. Этот смех унес ее из этого странного дома с полками книг и рукописями обратно в реальный мир, где на лугах пасутся ягнята, пахнет свежей землей и дождем.

– Ты бы видела эти занятия, – сказала Джоанна. – Им надо тебя нанять: сидела бы на семинарах и следила, чтобы никто не писал пошлую чушь.

– Но сейчас я здесь, потому что убили человека, – еще раз напомнила Вера.

Какое-то время они сидели молча, глядя друг на друга.

– Я не убивала, – повторила Джоанна. – Он мне не нравился, но я его не убивала.

Вера больше не могла расспрашивать Джоанну, иначе это выйдет за рамки регламента. Главный подозреваемый – соседка, даже, можно сказать, подруга, так что налицо конфликт интересов. И сидят они наедине. Ни свидетелей, ни диктофона. Надо немедленно позвать одного из местных констеблей. Он посадит Джоанну в полицейскую машину и отвезет в участок. Там ей найдут дежурного адвоката, а кто-то из сотрудников ее допросит. Но Вера так и осталась сидеть на месте и ничего не сказала. Она детектив – и слушать других умела лучше всего.

– Тони хотел со мной переспать, – продолжила Джоанна. – В каком-то смысле – очень лестно, и на мгновение я поддалась искушению. Он симпатичный, но уж больно прилизанный. Скучно. Я давно не получала таких предложений, но, естественно, отказала ему.

– Почему естественно?

Вера думала, хиппи относятся к сексу очень легко. Так же легко, как к голому телу. Да и вообще, разве свободные нравы – не то, чем они славятся?

Джоанна резко подняла глаза.

– Он мне не нравился, – сказала она так, будто ответ очевиден. – Не в моем вкусе. И как человек – мерзкий.

– В каком смысле мерзкий?

Вера не хотела задавать лишних вопросов, тем более вот-вот должен приехать Джо Эшворт. Она успела позвонить ему до разговора с Джоанной. С Джо можно продолжить беседу, не нарушая правила. Он бы взял все в свои руки. Но Вере хотелось знать, что спровоцировало столь абсурдное преступление. И лучшего источника информации, чем Джоанна, не найти. Неважно – подозреваемая она или свидетель.

– Он был жадным, – сказала Джоанна после минутного раздумья. – Ненавижу жадных. Такой отвратительный мелкий порок. Как будто деньги важны!

– Для многих людей – очень даже.

– Только для тех, у кого в жизни нет ничего по-настоящему ценного!

Снова этот властный тон.

– Но я не хочу говорить о нем плохо. Смерти он не заслуживал. Никто не заслуживает умирать раньше положенного.

– Зачем ты пошла в комнату из стекла? – уточнила Вера. – Все знали, что это его любимое место. И если он так тебе не нравился, что ты там забыла?

– Я пошла, потому что он попросил прийти. Глупо, конечно. Но, честно говоря, я никогда особой мудростью не отличалась.

– Отсюда поподробнее.

Вере снова показалось, будто она теряет нить разговора. Нужны факты. Время смерти. Причина смерти. Список людей в доме. Все, имеющее отношение к реальности. Она посмотрела на часы. Джо порой вел машину так осторожно, будто ему лет шестьдесят. Вере вечно приходилось его подгонять. Да и с него станется – мог заехать к жене и детям по дороге из Киммерстона. Но даже если так, он все равно должен был скоро появиться.

Воображение у него как у насекомого, так что Вера поручит ему присмотреть за Джоанной. С ним женщина будет в безопасности, неважно – в себе она или нет, да и он на ее болтовню отвлекаться не будет.

– Я знала, он хочет залезть мне под юбку, – сказала Джоанна. – Лучше было держаться от него подальше, конечно. Но мне стало так любопытно. Не надо было ходить, да? Я получила записку и поняла, что не пойти точно не смогу.

– Какую еще записку?

Вера подалась вперед. Сидеть на кровати было неудобно, хорошо бы на что-нибудь опереться, да и шея затекла. Хотелось потянуться, но Джоанна могла решить, будто ей скучно.

– У каждого из нас есть свой почтовый ящик. Если тебе звонят или у кураторов к тебе какое-то дело, то записку кидают туда. Я получила записку от Тони: «Приходи в комнату из стекла после обеда. Крупный издатель заинтересовался твоей работой».

– А с чего ты взяла, что записка от Тони? Отправить ее мог кто угодно. Да и сам Тони – просто университетский преподаватель, а никакой не издатель.

– В записке стояла подпись, – объяснила Джоанна, и Вера с уверенностью могла сказать, что та прилагает значительные усилия, чтобы сохранить спокойствие. – Не настоящая подпись, просто инициалы. Тони любил бывать в комнате из стекла. Чаще всего он приходил туда после

обеда, брал с собой кофе и бренди. Думаю, ему нравилось смотреть на нас сверху вниз. В буквальном смысле. С балкона видна терраса. Там собираются курильщики и болтают. Однажды он их подслушивал, а я его поймала.

Джоанна выдержала паузу, затем продолжила:

– И он был не просто преподавателем. У него были связи и влияние.

– А что бы он получил взамен? В смысле – если б помог тебе найти издателя? У него была бы доля с твоих гонораров?

– Нет! – Джоанна начинала окончательно терять терпение, силясь объяснить Вере свои отношения с Фердинандом. – Дело не в деньгах, а во власти и влиянии. Если бы благодаря ему я вдруг стала автором бестселлеров, то всю жизнь была бы ему обязана. Как будто это он меня нашел, сделал из меня писателя. Вот что его заводило. – Джоанна вспомнила, что до этого говорила о Тони, и добавила: – Он был жаден не до денег, а до власти.

Вера все еще сомневалась, правильно ли она понимает Джоанну, поэтому решила пройтись по фактам:

– Что произошло дальше?

– Я пришла к комнате из стекла, постучала. Зимний сад – для всех, но Тони часто вел себя так, будто это помещение – его собственное. Мне никто не ответил, и я вошла. Внутри – никого. Я подумала, Тони уже ушел; на столе стояли две чашки из-под кофе и стакан. Стулья были не на своих местах, и я подумала, не болтал ли он с кем-то из других студентов, не получил ли кто-то еще подобного предложения. Тогда я и увидела нож.

– Где?

– На полу. Рядом с большим цветочным горшком. Я его подняла, хотела отнести на кухню. По моему опыту именно там ножам и место. Чтобы мясо резать или овощи чистить, а не людей убивать.

– На балкон ты не выходила?

– Нет, конечно.

Похоже на правду, подумала Вера. Тело можно было и не увидеть, особенно если не заходить дальше стола.

– А крик ты не слышала?

Ей бы очень хотелось поверить Джоанне, но выходила какая-то нелепица.

– Какой еще крик?

– Миранда Бартон кричала так, что можно было оглохнуть! Я слышала ее снаружи. Ты наверняка прошла мимо нее в коридоре.

– Я никого не видела. Только потом встретила Алекса в коридоре. И никаких криков не слышала. Стены здесь очень толстые. Крик я могла бы услышать только в гостиной или с улицы.

Джоанна, такая высокая и сильная, встала и внезапно нависла над Верой. Неужели она вот так же стояла над трупом Тони? С ножом в руке.

– Я слышала только музыку. Наверное, у кого-то с собой проигрыватель, и звучали «Битлз». – Джоанна сверху вниз посмотрела на Веру. – Вот так все и случилось. Хочешь верь, хочешь нет.

Глава 5

Вера позвонила Джо Эшворту, когда тот ехал домой. Он ушел с работы пораньше, ведь сегодня у него день рождения. Жена Сара, которую дома звали Сэл, запланировала семейное чаепитие. Это был сюрприз. Дети их обожали, но он знал, как все пройдет: ему нарисуют плакат, который затем повесят на стену, надут воздушные шарик и будет торт со свечами и шоколадной посыпкой. Дети любили такие вечеринки: им разрешалось облизать тарелку из-под торта и окунуть все пальцы в остатки глазури. Джо тоже любил такие сборища, но уж больно хлопотно каждый раз укладывать наевшихся сахара детей. Да и вообще, на день рождения ему хотелось получить несколько иной подарок. И потому меньше всего хотелось, чтобы к концу вечера Сэл была уставшей и измотанной.

Звонок Веры, который он перевел на громкую связь, вызвал у него неоднозначную реакцию.

– А ты ловко сегодня улизнул из участка, – начала Вера. Голос ее звучал скорее насмешливо, чем неодобрительно: начальница хотела дать понять, что, даже когда ее самой нет на месте, она все равно в курсе происходящего в отделе. Она позвонила в участок, и там ей сказали, что Джо уже уехал.

– Ну да, у меня сегодня день рождения, – ответил Джо, притормаживая, чтобы пропустить велосипедиста в шлеме и ярко-зеленых шортах.

– Вот у меня для тебя как раз подарок, приятель.

И она с радостным волнением начала рассказывать об убийстве. Джо услышал голос жены у себя в голове: «Эта женщина – чудовище! Как она радуется чужим страданиям!» Он остановился на обочине, чтобы записать все детали, почтовый индекс и координаты.

– Я тут одна, – объяснила Вера, – не считая пары местных. Так что давай в темпе.

Он сидел на месте и размышлял. Что делать: заехать сначала домой? Дети, спрятавшиеся за диваном, выскочат ему навстречу и поздравят папу с днем рождения. Ехать всего ничего, пару миль, и Вера ничего не узнает. Или послать Сэл сообщение с объяснениями? Но это будет трусливо. Если Джо так сделает, то по возвращении домой – пусть даже совсем поздно – его будет ждать разобидевшаяся Сэл. Он не представлял себе жизни без нее, считал ее лучшей женой на свете, но дуться она могла очень долго. Лучше все-таки заехать. Он завел двигатель и поехал, радуясь, что ему не придется купать и укладывать спать детей.

Через полчаса Джо снова был за рулем. Рядом, на пассажирском сиденье, лежали завернутые в фольгу два кусочка шоколадного торта. Дети почему-то полюбили Веру и всегда о ней помнили. Они присылали ей подарки и рисунки, которые он, правда, редко передавал. Думал, она только усмехнется и тут же отправит их в мусорку. А вот от торта Вера точно не откажется.

Джо медленно ехал по узкой дороге, опасаясь пропустить поворот к дому.

По обе стороны от проезжей части тянулся лес, и, когда Джо поворачивал, лучи фар выхватывали голые деревья. Луны на небе не было. Он подался вперед, руки его крепко лежали на руле. Краем глаза он заметил, как впереди через дорогу мелькнула какая-то тень, и он тут же дал по тормозам. Машина заскользила по подмерзшим опавшим листьям прямо к обочине. Джо быстро сориентировался и выправил машину, но его потряхивало. Он сказал себе: ничего страшного не случилось. Наверное, олень пробежал. Тень показалась ему слишком крупной – точно не лиса. Хорошо еще, один едет. Вера бы его тут же высмеяла. *Что такое, малыши Джоуи? Испугался собственной тени?*

Он пересек холм, и долина внизу показалась ему залитой светом. Джо проехал мимо «лендровера» Веры, припаркованного левее, у фермерских ворот. Зря он переживал: этот дом – единственный на многие мили – он бы точно не пропустил. У входа горел фонарь. С одной

стороны коттеджа была парковка. Подойдя к входной двери, он заметил микроавтобус с надписью «Дом писателей».

У дверей стояла женщина в форме. Она, должно быть, узнала его, потому что с улыбкой впустила внутрь.

– Инспектор Стенхоуп просила отправить вас прямо наверх. Она вас ждет.

– Куда идти?

– Я отведу.

Перед ним появился крупный мужчина, своими размерами и видом напоминающий медведя.

– Ленни Томас, один из слушателей курса. – Он протянул руку. – Так эта толстая тетка – ваш босс?

«Вот кто бы говорил...» – подумал Джо.

– Верно.

– А я написал детектив.

Ленни стал удаляться куда-то вглубь дома, и Джо последовал за ним.

– Но с точки зрения плохих ребят, а не копов.

Внезапно Ленни остановился:

– Она вряд ли пустит меня на место преступления, да? Ну, чтобы подсобрать материала...

– Без шансов.

– Понял, – ответил Ленни, которого отказ, похоже, не огорчил.

Джо подумал, что тот привык к такому.

– Просто спросил. Знаете, как у нас говорят – скромные детки остаются без сладкого.

Ленни остановился у двери.

– Вам туда, – показал он и с надеждой добавил: – Могу еще как-нибудь помочь?

Ленни напоминал большого пушистого пса, который вечно ходит за тобой по пятам, надеясь на прогулку.

– Да нет, спасибо, приятель.

Джо подождал, пока Ленни исчезнет в коридоре, постучал и вошел внутрь.

Джоанну Тобин он узнал сразу. Когда он только познакомился с соседями Веры, то они ему совсем не понравились. Решил, что они – бестолковые и безответственные, хотя с годами узнал, какую колоссальную работу они проделывают на маленькой ферме на холме, и проникся к ним настоящим уважением.

К тому же они присматривали за Верой – то есть отчасти облегчали его ношу. Но сейчас Джо, кажется, впервые взглянул на Джоанну как следует, взглянул на нее так, словно она – натурщица и он собирался ее рисовать. Она сидела напротив незанавешенного окна в халате из зелено-голубого шелка. Ее одежда лежала в прозрачном мешке на полу; голубая майка внутри была в тон голубому шелку. Ноги и ступни – голые и загорелые. На ногтях – мазки ярко-розового лака. Волосы заплетены в свободную косу, но несколько прядей выбились и спадают на лицо. Она сидела нахмурившись и, кажется, вовсе не заметила, как он зашел.

– Джоанну Тобин ты знаешь, – сказала Вера. – Она, похоже, как-то замешана в этом деле.

Джо кивнул. Джоанна посмотрела на него и улыбнулась.

– Нам нужно отвезти ее в участок, пусть даст соответствующие показания, – продолжила Вера. – Она признает, что подобрала орудие убийства, но заявляет, что никого не убивала.

Джо не нашелся с ответом.

– Понял, Джо? Что ты стоишь? – Вера теряла терпение. – Внизу есть пара сотрудников полиции, пусть займутся. Скажи Холли провести допрос. Чарли тоже вытащи в отдел. Я останусь здесь, пока Джоанна приводит себя в порядок. У тебя ведь есть еще какая-то одежда? Джо, передай Холли, чтобы она потом отвезла ее домой.

– Вы же меня не арестовываете?

Джоанна медленно перевела взгляд на Веру. Джо показалось, будто она немного разочарована. Она что, тащится от этого? В участок иногда приходят такие: признаются в преступлениях, о которых узнали в новостях.

– Нет, ты ж никого не убивала, – огрызнулась Вера. – В чем дело? Не хочешь домой? Боишься Джека?

– Не знаю, что ему сказать.

– Что хочешь, только не обижай его сильно. Мне не нужно, чтобы он опять заявился ко мне и сидел как побитая собака. – Затем она накинулась на Джо: – Ты все еще здесь? Найди машину для Джоанны, ее нужно отправить в участок. Мне надо поговорить со всеми остальными в доме. Собери их в одной комнате, составь список, запиши контактную информацию. И узнай, где спальня Тони Фердинанда. Ее оцепить и выставить охрану. Как смогу – спущусь вниз.

Джо кивнул и вышел из комнаты. Он привык, что Вера на него прикрикивала. Он сам точно так же в плохой день кричал на детей. Этаким способом выпустить пар. Волноваться стоило, если Вера начинала с ним любезничать.

Он побрел по коридору и, видимо, свернул не туда, потому что вместо узких каменных ступенек, по которым его вел Ленни, Джо оказался наверху довольно большой лестницы с полированными деревянными балюстрадами.

Джо посмотрел вниз и увидел прихожую и двойную дверь, которая, должно быть, когда-то служила главным входом. Там стоял еще один полицейский в форме. Звон гонга гулко разнесся по дому, на мгновение напугав Джо. Звук был громким и шел из той части помещения, которая в его поле зрения не попадала. Похоже, случившееся убийство не помешало началу ужина – вереница людей пересекла холл и направилась, судя по всему, в столовую. У большинства в руках виднелись бокалы с напитками. Значит, где-то здесь был и бар. Спустившись, Джо увидел, что люди заходили в обшитый панелями зал с арочным потолком. Длинный стол был застелен белой скатертью и уставлен серебряной посудой, а в бокалах отражался свет свечей. Кто-то специально переоделся к ужину: некоторые женщины щеголяли в платьях, мужчины же надели костюмы. Но строгих требований к нарядам не было. Ленни так и стоял в джинсах и толстовке.

Все заняли свои места за столом и сели с тихим благоговением. Возможно, ждали, что кто-то произнесет молитву. Наверное, обычно они обсуждали новости за день. Сегодня же царила атмосфера предвкушения, словно никто не знал, что будет дальше.

Во главе стола сидела крупная женщина средних лет. Она была одета в широкие черные брюки и бархатный жакет малинового цвета, который был настолько длинным, что доходил до колен. Ее неестественно светлые волосы были заколоты на макушке черепаховым гребнем. На шее у нее висела нитка крупных ромбовидных черных бус. Джо отметил ее ужасную бледность. Была ли это та самая женщина, о которой рассказывала Вера? Та, которая кричала, обнаружив тело? Если так, то сейчас она уже пришла в себя, разве что бледность напоминала о случившемся.

– Вы, наверное, уже все слышали о смерти Тони, – начала она. – Ужасная трагедия. Потеря для литературного мира. И горе для бедной, нездоровой Джоанны и ее семьи. Полиция уже в доме, они пообещали, что постараются нам не мешать. В конце концов, нет никакой тайны в том, что произошло здесь сегодня днем. Я уверена, Тони хотел бы, чтобы мы продолжали нашу программу, и мы будем заниматься и дальше. Хотя его старым друзьям сосредоточиться на литературе будет непросто. Но мы обязаны постараться.

Она налила себе красного вина.

– Давайте выпьем, – предложила она, – в память о профессоре Тони Фердинанде.

Группа встала и подняла бокалы. На взгляд Джо, эта сцена отдавала театральщиной. Как будто они знали, что за ними наблюдают зрители.

Ему стало интересно, как Вера отнеслась бы к такой постановке и тому, что все считают Джоанну Тобин убийцей.

Глава 6

Джо выполнил все указания, которые недовольная начальница отдала ему в комнате Джоанны. Он разыскал комнату Фердинанда. Она оказалась такой же, как и комната Джоанны, но больше и лучше обставленной. Джо заглянул внутрь, испытывая искушение порыться в ящиках и вывернуть все карманы, но знал, что криминалисты захотят осмотреть все первыми. Обитатели Дома писателей были собраны в одном месте. Он дал бы им время поесть, а потом мог начать собирать их контактные данные. А может, Вера к тому времени освободится. Она любила быть в центре внимания. Это было бы похоже на то, как если б все рождественские праздники наступили одновременно: войти в эту шикарную столовую и установить закон. Джо не очень любил публичные выступления и все еще нервничал на летучках, если там присутствовал кто-то со стороны. Он прошел дальше по прихожей. Дверь в столовую оказалась закрыта, и Эшворт обратился к полицейскому, стоявшему у главного входа:

– Следи за происходящим и зови, когда ужин подойдет к концу. Я вернусь вовремя, но на всякий случай.

Он протянул ему свою визитку, чтобы тот мог с ним связаться по телефону.

Пока по дому никто не ходил, Джо хотел его осмотреть и разобраться, что к чему. Было темно, окон не наблюдалось, и он понятия не имел, как здесь все расположено. Джо решил, что большие двойные двери выходят на восток, к морю. Он прошелся по первому этажу, заглядывая в пустые комнаты. Большой роскошный дом, похожий на загородный отель, – не то что общежитие в колледже. Темные деревянные полы, большая и удобная мебель. Пахло цветами и полиролью для мебели. В одной из комнат стулья стояли полукругом перед белой доской, на которой все еще значился список: «Место преступления? Орудие убийства? Подозреваемые?» Прямо пародия какая-то. Вскоре они в отделе будут смотреть на такую же доску. На столе преподавателя лежала стопка материалов. Он бросил косой взгляд. Похоже, список литературы. Заголовок – «Норт Фарм Пресс».

Внезапно он осознал – книги тут лежат повсюду. На журнальных столиках и на подлокотниках кресел в комнате с доской. Одна большая комната выглядела точно так же, как публичная библиотека в его деревне. Книги были даже в маленьком баре и в туалетах. Джо было интересно, как бы это понравилось его жене. Недавно она присоединилась к книжному клубу, но он подозревал, что ее больше привлекали вечерние посиделки с подругами, сплетни под вино и возможность сходить в гости, а не серьезное вдумчивое чтение.

Джо открыл дверь в большую и хорошо оборудованную кухню: сочетание современной техники и фермерской простоты. Плита из нержавеющей стали. Большой начищенный сосновый стол и сверкающие столешницы. На одном из двух больших подносов уже стояли десерты в причудливых стеклянных чашах, накрытые чайными полотенцами. Какой-то мусс, решил Джо, приподнимая уголок ткани. Лимонный или апельсиновый с малиновым соусом. Он почувствовал резкий прилив голода и пожалел, что не съел кусок своего праздничного торта. Большая сковорода все еще булькала в духовке. От нее пахло говядиной, вином, травами и чесноком.

Распашная дверь на противоположной стороне кухни открылась, впуская шум голосов из столовой и худого темноволосого мужчину.

– А вы кто?

Мужчина замер на месте, испугавшись вторжения на его территорию.

– Сержант Эшворт. А вы?

– Алекс Бартон. Директор, повар и посудомойка. Убийство аппетит им не испортило. Хотят еще запеканки.

Он взял прихватки и переставил сковороду на стол, а затем закрыл крышку печи. Лицо его покраснелось, и Эшворт подумал, что он выпил.

– Могу я вам как-то помочь? – спросил молодой человек.

Да, отложи-ка мне вот эту штуку.

– Сейчас нет. Просто осматриваюсь. Вы не против?

Алекс пожал плечами:

– Конечно нет. Чувствуйте себя как дома.

– Нам нужно поговорить с вашими гостями, когда они закончат ужин. И с вами, конечно.

Можно вас попросить удостовериться, что никто не уйдет?

– Хорошо. А почему бы вам не выпить с нами кофе? Примерно через полчаса.

Он махнул рукой, подхватил сковородку и снова исчез через распашную дверь. Эшворт устался на столовую, в которой свечи отбрасывали тени на лица людей.

Джо вышел из кухни и снова оказался там, где впервые вошел в дом, – у черного выхода, ведущего на стоянку. Там уже стояла Вера вместе с Джоанной. Они ждали, пока один из местных полицейских подгонит к двери машину. Джоанна была в одежде, которую Вера принесла из ее комнаты – джинсы и свитер ручной вязки. Она казалась непривычно тихой и вялой. Вера осторожно помогла ей сесть в машину и слегка похлопала по плечу. Они проводили взглядом огни фар, исчезающие за поворотом.

– Что думаешь? – поинтересовался Джо. – Это сделала она?

– Не вижу мотива. Она говорит, Фердинанд был старым козлом. Но она не раз разбиралась с подобными субъектами без того, чтобы всадить в них нож.

«Но вообще, – подумала Вера, – насколько хорошо я ее знаю?»

Джо кивнул в сторону столовой:

– Говорят, Джоанна была нездорова.

– Эх, приятель, как по мне, так они все тут – кучка психов, но я же не обвиняю их в убийстве. – Вера помолчала, потом добавила: – Билли Уэйнрайт сейчас осматривает место преступления. Давай посмотрим на его заключение, потом уже будем думать. Не уверена, что у нас найдется достаточно оснований предъявить ей обвинения. Криминалисты просто посмеются над нами.

– Билли напишет, что на месте преступления она была. Джоанна сама в этом призналась. И весь нож в ее отпечатках.

Джо задумался, как бы тактично намекнуть Вере, что заниматься этим делом она не может.

– Чаще всего таких доказательств достаточно.

Вера остановилась и бросила злобный взгляд на него.

– Ты решил рассказать, как мне делать мою работу, сержант Эшворт? Думаешь, справишься лучше меня? Хочешь получить внеочередное звание за мой счет?

– Просто поймите, в этом деле вы все принимаете близко к сердцу. Ваше мнение может оказаться необъективным.

Затем прямо перед ним возникло лицо Веры. Так близко, что он видел только ее глаза, налитые кровью и яростью.

– Каждое убийство на моем участке я принимаю близко к сердцу, сержант Эшворт. Если б мне было все равно, я бы не выполняла свою работу должным образом.

Джо отступил на шаг назад и промолчал. Слишком уж мало ему платили, чтобы он пошел против Веры Стенхоуп, поймавшей очередную вспышку гнева. Пусть с ней разбирается кто-нибудь из начальства.

Так что он снова кивнул в сторону столовой:

– Они еще не перешли к пудингу. Можем сначала поговорить с Билли. Нас пригласили выпить кофе под конец ужина.

– Вот это да! Какие манеры!

Они вошли в комнату из стекла. Криминалист Билли Уэйнрайт был на балконе с патологоанатомом Китингом. Они установили мощные лампы, освещавшие тело Фердинанда. Его кожа казалась белой, а кровь – черной. Трудно было разглядеть красавца, о котором говорила Джоанна. Вера отозвала Билли в коридор.

– Как жена, Билли?

Шутка, ставшая их обычновенным приветствием, да и не то чтобы очень смешная. Билли был страшным бабником и, похоже, гордился своей репутацией.

Он ничего не ответил, и Вера продолжила:

– Рассказывай, что здесь произошло? Он сидел на балконе и ждал, пока его зарежут? Или его перетащили сюда? Какой-то бред, по-моему.

– Может, он прятался? – предположил Билли. – От двери его было не увидеть, хоть тут все стеклянное.

– От кого ему прятаться? – спросила Вера крайне скептически. – Он попросил Джоанну встретиться с ним. Он же не ребенок, чтобы в прятки играть.

– Мистер Китинг считает, Фердинанда убили там, где нашли тело. Но он не хочет брать на себя ответственность, пока не проведут вскрытие.

– А есть что-то, за что вы можете взять ответственность?

– Есть. Нож, который держала в руках женщина. Ее отправили в Киммерстон для допроса...

– Ну и что с этим ножом? Хватит ухмыляться, Билли, давай уже выкладывай.

– Это не орудие убийства. Убили Фердинанда чем-то похожим – та же длина и ширина, но заточка – серрейторная⁴, с зазубринами.

⁴ Серрейторная заточка – тип заточки лезвия с волнистой формой режущей кромки.

Глава 7

Вера бросила на Джо торжествующий взгляд и развернулась на пятках. Он поспешил за ее тенью, отбрасываемой красным светом. Вера быстро обернулась и сказала:

– Займись обыском в комнатах всех жильцов. Без понятия, где мы возьмем людей. Наша ошибка. Нельзя было думать, что убийца – Джоанна Тобин.

Она сказала «наша ошибка», но Джо решил, что виноватым начальница считает именно его. Вера вихрем взлетела по парадной лестнице, и Джо пришлось практически перейти на бег, чтобы ее догнать. Вера умела двигаться очень быстро, когда хотела, хотя ее физическая форма и оставляла желать лучшего.

– Куда мы? – уточнил он. – Зачем торопиться. Они же еще не начали пить кофе.

– Мы идем искать ножи, малыш Джоуи. Вернее, мы ищем место, где ножи хранятся. Или их недостает. Один, с которым Джоанна Тобин бродила по коридору и который сейчас благополучно добрался до лаборатории. И другой, которым убили Тони Фердинанда. Как ты думаешь, куда мы идем?

Сержант не успел ответить, как они уже зашли на кухню. Там все было так же, как и некоторое время назад. Только подносы с десертами исчезли. Алекс Бартон разливал кофе.

Надо было проверить ножи, когда я заходил. Джо чувствовал себя глупо, понимая, что это ошибка, которую Вера никогда бы не совершила. Но я думал, убийца – Джоанна и спешить некуда.

– Если хотите, идите в столовую, – сказал Бартон, – я сейчас принесу кофе.

– Пахнет потрясающе, приятель, – сказала Вера. – Но я здесь не ради кофе. Покажи, где у вас хранятся ножи.

Алекс поставил кофейник обратно в фильтр-машину и некоторое время так и стоял, глядя на Веру. Джо не мог понять, о чем тот сейчас думает и понял ли смысл просьбы. Алекс указал на набор ножей.

– Мама подарила мне его, когда я окончил колледж. Самые лучшие.

Его голос снова был ровным, и Эшворт не мог понять, гордится ли он подарком или возмущен.

Вера подошла поближе.

– Кажется, пары ножей не хватает.

– Конечно, некоторых не хватает. – В голосе Бартона зазвучало раздражение. – Я же готовил.

Он кивнул в сторону мойки на груды грязных кастрюль и столовых приборов.

– Понимаю, ты занят, – сказала Вера. – Но можешь проверить, все ли на месте? Это же быстро.

– Думаете, Джоанна украла нож и убила Тони?

– Я сейчас ничего не думаю. Надо разобраться с фактами. – Вера мельком улыбнулась. – Гостям разрешается заходить на кухню?

– Это не поощряется, – ответил Алекс. – Вопрос гигиены. Но здесь всегда открыто.

Казалось, он собирался задать еще один свой вопрос, но потом передумал и кивнул:

– Давайте я отнесу кофе, пока он не остыл, а потом проверю ножи.

Алекс вернулся и достал из мойки три ножа, протер каждый белой салфеткой и вставил в отверстие в деревянном блоке.

– Одного не хватает, – заключил он.

Вера наблюдала за ним.

– Точно?

– Точно. Это же мои рабочие инструменты. Я ими каждый день пользуюсь. – Он сделал паузу, нахмурившись. – Надеюсь, нож получится вернуть. Замена стоит недешево.

Джо показалось, Алекс беспокоился не столько о стоимости ножа, сколько о том, что одного из набора не хватает. Эшворт подался вперед:

– Можете описать пропавший нож?

– Как этот, только с более тонким лезвием.

Бартон достал клиновидный нож.

– Зубчатый?

– Нет, не зубчатый. Единственный нож с зазубринами здесь – нож для хлеба, а он вон там.

Бартон кивнул в сторону хлебной доски в углу. На ней лежал нож с черной рукояткой, будто дразня их.

– Он был здесь весь день? – поинтересовалась Вера.

– Да, я пользовался им во время обеда и делал себе днем сэндвич.

– Вы с матерью были здесь, пили чай, – констатировала Вера. – Как раз перед тем, как она нашла тело профессора Фердинанда.

– Откуда вы знаете? – Бартон посмотрел на нее так, словно она ведьма.

Вера загадочно улыбнулась:

– Я верю в традиционную детективную работу. Всегда окупается. Не так ли, сержант?

Но Джо не слушал. Он думал о том, что нож, с которым нашли Джоанну, скорее всего, был из кухни Дома писателей. Только профессора убили не им. Тот нож еще предстояло найти.

– Спасибо за помощь, мистер Бартон, – поблагодарила Вера. – Теперь мне хотелось бы поговорить с вашими гостями.

Она на мгновение замерла перед дверью в столовую. Наблюдая за начальницей, Джо решил, что она похожа на актрису, готовящуюся сыграть главную роль. Вера ненадолго закрыла глаза, затем вошла в комнату. Эшворт последовал за ней. Всегда в ее тени, подумал он. *Но, может быть, мне это нравится.*

Вера прошла вдоль стола – прямо как Миранда Бартон до этого. Джо закрыл дверь и встал за спиной у Веры. В таких случаях она предпочитала, чтобы он оставался незаметным. *Ты мои глаза и уши, Джо. Я обычный человек и не могу одновременно и говорить, и наблюдать за всеми.* Поэтому он следил за реакцией людей, сидящих за столом. Их было двенадцать человек плюс Миранда Бартон, меньше, чем он думал, когда увидел, как они входят в комнату после гонга. Неужели люди с раздутым самомнением занимают больше места? Простых людей здесь как будто не наблюдалось. Все разговаривали громко, и их жесты казались театральными. Даже Ленни, простой парень из рабочих, больше напоминал карикатуру на самого себя.

Десерт был съеден, стеклянные чаши отодвинуты в сторону, а салфетки скатаны в шарики на столе. Алекс вышел из кухни со вторым кофейником. Он поставил его на стол, чтобы все могли угоститься. Вера ждала во главе стола, пока всех не обслужат. Выжидала время. В конце концов разговоры стихли, и она полностью завладела вниманием собравшихся.

– Дамы и господа, простите за вторжение и за то, что нарушили вашу трапезу.

Никакой реакции. Сарказма публика явно не заметила. Возможно, ужин был для них так же важен, как и тот факт, что наверху находился человек с перерезанным горлом. Даже Миранда Бартон, которая устроила истерику, увидев тело, съела весь свой пудинг и теперь тянулась за шоколадкой, лежавшей на тарелке возле кофе.

Вера продолжила:

– Я уверена, вы понимаете, что наше расследование вызовет некоторые сбои в вашей программе. Нам нужно взять у вас показания, и мы хотели бы начать сегодня, пока воспоминания у вас еще свежие.

Она огляделась и одарила всех неподвижной, ледяной улыбкой, которая пугала ее команду больше, чем ее гнев.

– Есть ли вопросы на данный момент?

Эшворт увидел, что собравшиеся писатели недооценили Веру. Они отнеслись к ней со снисхождением, потому что одежда на ней сидела плохо, а волосы не были уложены. Видно это было по их позам, по тому, как они облокачивались на стол или откидывались в креслах. Они не видели в ней никакой опасности, и уж точно не в ее улыбке.

– А что случилось с Джоанной?

Это была женщина с очень короткими черными волосами и яркой красной помадой. Джо было трудно определить, сколько ей лет. Ее лицо было угловатым и не имело возраста. Возможно, около тридцати?

– Как вас зовут?

Улыбка Веры на мгновение пропала, затем снова вернулась. Эшворт почти ожидал, что она добавит к вопросу «дорогая». Это была ее тактика – строить из себя сердобольную родственницу. Озабоченная, простоватая, любительница поучить жизни.

– Нина Бэкворт. Я одна из преподавателей на курсе, специалист по женской прозе и малой форме.

– Значит, коллега профессора Фердинанда?

– О нет!

В голосе женщины прозвучал ужас.

– Он недолго был моим научным руководителем, когда я была аспиранткой. Но сейчас я работаю в Ньюкасле. Уверена, вы в курсе, что Тони организовал литературную программу в колледже Святой Урсулы в Лондоне. Его знают во всем мире. Любой студент, принятый туда, имеет преимущество в поиске издателя.

А как насчет вас? Нашли ли вы издателя после учебы у него?

Но Вера оставила этот вопрос при себе.

– Она была хороша, да? Джоанна Тобин? Как писательница в смысле?

– Я думаю, у нее большой потенциал, – сказала Нина, а затем сделала паузу. – Не верю, что она напала бы на Тони Фердинанда без веской причины. Надеюсь, вы отнесетесь к ней с деликатностью.

– Хотите сказать, профессор Фердинанд заслужил смерть, мисс Бэкворт?

В комнате повисло внезапное напряжение, пробежала искра возбуждения. Люди прислушались. Женщина настороженно посмотрела на Веру.

– Конечно нет. Никто не заслуживает такой смерти. Я хочу обратить ваше внимание на то, что в произошедшем мог быть элемент самообороны.

Вера посмотрела на нее:

– Но вы считаете, что профессора убила Джоанна Тобин?

– Конечно!

Когда Вера ничего не ответила, ее голос зазвучал уже не так уверенно.

– Нам так сказали. Вот я и решила...

Джо следил за происходящим, затаив дыхание. Иногда, рассердившись, Вера сначала говорила, а потом думала. И Джо знал: мысль о том, что Джоанна – убийца, разозлит ее не на шутку. *Только не говори о ножках*, взмолился он. *Не надо выдавать больше, чем нужно*.

Вера глянула на него, и лицо ее на мгновение исказилось – она подмигнула Эшворту, будто зная, о чем он подумал: «Ну, парень, согласись, разговор я веду как надо».

– Джоанна Тобин помогает полиции в нашем расследовании, – сказала она глумливо, не давая им возможности задать вопросы. – Ей не было предъявлено официальных обвинений, и наше расследование продолжается.

Она сделала глоток из стоящей перед ней чашки с кофе, хотя к этому времени напиток должен был остыть. Вера лучше всяких актеров чувствовала, когда надо говорить, а когда промолчать, выдержав паузу.

– Насколько я понимаю, ваш курс рассчитан еще на два дня. Не вижу причин вносить изменения. Мне и моим коллегам нужно будет поговорить с каждым из вас отдельно, и мы начнем сегодня. Наши сотрудники останутся здесь на ночь, чтобы обеспечить защиту и предотвратить любое вторжение прессы.

Она снова сделала паузу и обвела взглядом комнату.

– Ну и позаботятся, чтобы никто не сбежал.

Вера еще раз оглядела комнату.

– Я полагаю, все члены курса здесь.

– Утром к нам приезжала преподавательница, – вставила Миранда Бартон. – Крисси Керр, которая владеет и управляет «Норт Фарм», небольшим издательством у нас в графстве.

– Когда она уехала?

Вопрос был адресован ко всем, но снова ответила Миранда:

– После обеда. Я видела, как она уезжала. Но Тони тогда еще был очень даже жив. Так что вряд ли ее можно считать свидетелем.

– Прошу прощения! – снова заговорила Нина Бэкворт. Она поднялась со своего места и, кажется, с трудом себя сдерживала. Джо подумал, что из нее получился бы хороший адвокат. – Хотите сказать, пока вы проводите свое расследование, мы будем сидеть в этом доме как заложники?

– Конечно нет, мисс Бэкворт. – Вера усмехнулась. – Это я так шучу. Вы можете уйти, но, пожалуйста, предупредите моих коллег. Как-никак вы свидетели убийства.

Глава 8

В гостиной была ниша с огромным камином и вычурной кованой решеткой, за которой горели поленья. Вере казалось, что все тепло уходит в дымоход, а огонь развели просто для вида. Собственно, неудивительно. В этом доме все делалось напоказ, а сути никакой. И люди собрались соответствующие: делают вид, будто они такие тонкие и искушенные и совершенно не виновны в смерти Тони Фердинанда.

Они с Джо ходили между ними, записывали их контактные данные и составляли хронологию событий – начиная с кофе, который подали после обеда, и заканчивая временем, когда Фердинанда в последний раз видели в живых. Вряд ли Китинг назовет ей более точное время смерти, чем между моментами, когда Тони ушел с обеда и когда его обнаружили мертвым. Некоторых из обитателей Дома писателей можно сразу исключить из числа подозреваемых. Они находились в компании в течение интересующего их времени, за исключением пары минут. Интересно, что Джо думал об этих надутых интеллектуалах? Вере они напоминали экзотических птиц: у них яркое оперение, они мерзко пищат и сидят в роскошной клетке. Когда Эшворт только начинал с ней работать, среди явного среднего класса ему всегда становилось не по себе. Теперь он вел себя куда увереннее. И не без помощи Веры.

Наверху сотрудники полиции обыскивали спальни. Все, кроме спальни Фердинанда. Этим она займется сама, как только там побывают криминалисты. Бог знает, как Джо удалось так быстро вызвонить людей. Неужели он пообещал им сверхурочные? А кто будет платить? Она из своего кармана? Никто из обитателей дома против обыска не возражал, но Вера и не ждала, что им удастся найти нож или окровавленную одежду. Слишком долго все думали, что убийца – Джоанна. За это время настоящий убийца избавился ото всех улик. Вокруг дома огромный сад, густой подлесок и плотный кустарник. Но уже стемнело, поэтому поиски придется отложить до утра.

Когда обыск подошел к концу, Вера посмотрела на часы. Без пятнадцати одиннадцать. Явно не лучшее время для допросов. Нина Бэкворт опять вскочит на ноги, начнет жаловаться, что полиция ущемляет их права. Надо связаться с Холли и Чарли, да и поспать не помешает. Она встала, потянулась и поймала взгляд Джо.

– Благодарим за сотрудничество, дамы и господа. На сегодня все. Но мы увидимся завтра.

Снаружи подъехал катафалк, чтобы отвезти Фердинанда в морг. На Веру резко налетел поток холодного вечернего воздуха, и она почувствовала, будто проснулась и ожила. Ей даже показалось, что можно не ложиться и работать всю ночь, а потом еще и утром.

– Китинг говорил, когда собирается провести вскрытие?

– Не раньше утра. Около десяти.

Джо Эшворт и правда выглядел уставшим. Почти вдвое моложе ее, но жизненных сил в ней явно имелось побольше. *Не слишком радуйся, подружка. Это все генетика. Гектор вон и в семьдесят лет лазил по деревьям и воровал птичьи яйца.*

– Летучка в восемь тридцать, – заявила она. – Сюда вернемся после вскрытия. Утром их тревожить не будем – усыпим бдительность этих дурачков.

Вера ухмыльнулась, глядя на Джо:

– Иди-ка домой, приятель. У тебя же день рождения. Твоя женушка небось ждет тебя в чулках в сетку. Завтра увидимся.

В доме было тихо. В комнате Фердинанда Билли Уэйнрайт выдал Вере бумажный костюм и ботинки. Она оделась и присоединилась к нему.

– Никаких следов насилия или борьбы, – сказал он. – Я собираюсь домой.

– Подожди пару минут, Билли, я пока осматрю его вещи.

Уэйнрайт пожал плечами, не слишком радуясь этому, но возражать не стал. В помещении пахло сигаретами, хотя на двери и висела табличка, запрещающая курить. Еще пахло каким-то шикарным лосьоном после бритья. Одежда в гардеробе показалась Вере дорогой: рубашки из плотного хлопка, кашемировые рубашки. Она посмотрела на бирки и узнала некоторые дизайнерские бренды. Кто знал, что преподавателям в университете так хорошо платят?

На столе под окном лежала черная папка на кольцах и ежедневник. Вера снова повернулась к Уэйнрайту:

– Ты тут все осматривал? Хочу забрать с собой.

Билли кивнул, и он показался Вере таким уставшим, что даже говорить не мог. А может, вечная беготня от жены под ручку с очередной красоткой его наконец доконала.

Вера попросила Уэйнрайта подбросить ее к «лендроверу». Свет в машине, как всегда, не работал, но в бардачке на такие случаи валялся фонарик, так что она сумела набрать нужные цифры на телефоне. Чарли не ответил, чего и следовало ожидать. Иногда он был еще тем ленивым придурком. Хотя с определенной работой – допустим, нужно как следует покопаться в биографии подозреваемого – он справлялся как никто другой. Небось отсыпается у себя в кровати. Или засел в местном пабе, а телефон выключил.

Холли, как Вера и ожидала, ответила. Она была совсем молода и очень амбициозна. Хороший сыщик, но не настолько, как та сама считала. Иногда Вера брала на себя труд напомнить ей об этом.

– Как прошла беседа с Джоанной?

Здороваться необходимости не было. Холли и так поймет, кто ей звонит в такое время.

– Хорошо. Джоанна Тобин придерживается той же версии, которую рассказала вам. Вела себя спокойно и собранно. Как будто это далеко не первый ее допрос в полиции. Говорит, получила записку от Тони Фердинанда, тот хотел встретиться с ней. Так что она пошла наверх, в комнату из стекла. Выходить на балкон не стала, решила, что он передумал и ушел. Потом увидела нож на полу и решила отнести его на кухню.

– Если это она его зарезала, то куда дела орудие убийства?

– Выбросила с балкона?

– Да, это вполне возможно, – проговорила Вера, позволив себе некоторое удивление. – Но Билли Уэйнрайт уже спускался вниз под балкон с фонариком – ничего не нашел. В остальном как допрос?

– Ничего такого. Джоанна говорит, Фердинанд ей не нравился, но причин его убивать у нее не было.

– Он тут никому особо не нравился, – протянула Вера. – По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. – Она замолчала, а потом добавила: – Как думаешь, Джоанну не могли подставить?

– В том смысле, что записку оставил не Фердинанд, а убийца?

Холли явно скептически отнеслась к этой версии, и Вера подумала, что о хороших манерах в разговоре с начальством забывать все же не стоит – проявлять побольше уважения ей точно не повредит.

– Зачем тогда оставлять нож, которым никого не убивали? Понятно же, что мы бы очень скоро выяснили, что Джоанна ни при чем, – продолжила Холли.

– Может, тот, кто его убил, – тупица.

Вера, конечно, валяла дурака. Тут все ясно: кто-то решил поиграть с ними.

– Да брось... те, – выпалила Холли, в последний момент успев исправить резкую фразу в более-менее вежливую. Никакой субординации. – Они же все приехали на курсы по детективному мастерству. Должны знать основы криминалистики, если берутся писать такое.

На этот раз Вере пришлось признать поражение.

– Да, может, и так.

Писаки из дома в долине, судя по всему, ложились спать: на первом этаже погас свет.

– Джоанна до дома добралась нормально?

– Да, я сама ее отвезла. Мне оказалось по пути.

– Джек был дома?

Вера представила, с каким облегчением он встретил Джоанну. Она надеялась, что Джек сдержался и не поднял лишнего шума. Джоанна вряд ли бы оценила слезы и объятия.

– Какой-то мужчина открыл дверь. Я решила, это и есть Джек. Задерживаться не стала.

– Тогда увидимся утром. Летучка в восемь тридцать. Чарли я оставила сообщение.

Вера отключила телефон и какое-то время просто сидела в тишине. Она открыла окно, и ей послышалось, как в конце долины волны бьются о скалы. Вера завела двигатель, подъехала к дому, чтобы развернуться, а затем направилась к себе. Она почувствовала неожиданный прилив облегчения, когда выехала на дорогу, ведущую от моря. Казалось, будто она убегала из тюрьмы.

Ферма уже погрузилась в темноту. Вера вышла из «лендровера», почти ожидая увидеть Джека, который притаился в сарае, хочет задать кучу вопросов и осыпать благодарностями, но она никого не встретила. На кухонном столе стояли три большие бутылки домашнего пива, в миске – полдюжины яиц всмятку. А еще открытка с подписью Джоанны. *Спасибо*. Вера задумалась, не сочтет ли Джо это подкупом или взяткой. Затем она решила, что лучше ей забрать у них к черту свой ключ. Меньше всего ей хотелось, чтобы эти хиппи шастали по ее дому, когда вздумается.

Уже лежа в постели, Вера просмотрела ежедневник Фердинанда. Отпечатки пальцев с него сняли, провели прочие анализы, но оказалось, что единственный, кто прикасался к этой книжечке, – сам покойник. Ничего особенного он не записывал, только список назначенных встреч. За неделю до поездки в Нортумберленд он был на записи выпуска «Культурного шоу» для телевидения и выступил в прямом эфире программы «Первый ряд» на «Радио-4». Вера иногда слушала ее за ужином. Интересно, слышала ли она когда-нибудь Фердинанда? Возможно, он один из тех самодовольных болванов, которые критикуют любого несчастного дурачка, который имел наглость взяться за бумагу и перо. Насколько она знала, сам Фердинанд никогда не публиковался. С момента прибытия в Дом писателей его расписание выглядело так: «ученик 1, ученик 2». Никаких имен. И на сегодня: «17.00. Лекция». Что ж, только дела. А еще две буквы и вопросительный знак рядом – «Дж?». Значит, он и правда собирался встретиться с Джоанной. Все эти крошечные зацепки страшно ее волновали.

На следующий день Вера вышла из дома рано утром, но так и не встретила ни Джека, ни Джоанны. Холли приехала в участок раньше всех и распечатывала информацию, которую она нашла в интернете о Доме писателей. Вере показалось, что она ведет себя словно хорошая ученица, которая моет за учителя доску к началу урока. И тут же решила, что такие мысли с головой выдадут ее возраст. Ну кто сейчас пишет на доске мелом, а потом ее моет? Вскоре пришли и остальные. Чарли, как обычно, последний. Холли раздала всем материалы.

Вера встала возле двери и начала вводить их в курс дела:

– Наша жертва – Тони Фердинанд, профессор, обозреватель, звезда телевидения. Так что пресса явно заинтересуется. В Нортумберленд он приехал по приглашению Дома писателей. Это местечко на побережье, куда начинающие писатели приезжают за вдохновением. Они проводят самые разные курсы, на этой неделе занимались детективами. Важно ли это? Ну, неплохое совпадение: три дня они придумывали идеальное убийство, а потом одного из преподавателей зарезали – да еще так театрально. Как будто с нами решили поиграть. Я вчера быстро просмотрела его ежедневник: он отмечал встречи, которые назначал студентам, но без имен. Возможно, вчера у него была встреча с кем-то, чье имя начинается на «Дж». Туманно все. Надо понимать, что Джоанна Тобин может врать, но в то же время – ее могли подставить.

Она замолчала, проверяя, все ли ее внимательно слушают.

– И эта история с ножом. Еще одна насмешка над нами? Или убийца недостаточно разбирается в криминалистике и не понимает, что мы сможем отличить лезвия? Неужели он думал, что, если Джоанну обнаружат на месте преступления, этого будет достаточно? Опять же, все это напоминает мне какую-то постановку. Так или иначе, настоящее оружие убийства мы пока не нашли. Я организовала обыск территории, начнут сегодня утром.

Холли, сможешь посидеть на телефоне, надо навести справки о Фердинанде? Свяжись с колледжем Святой Урсулы в Лондоне, с телевизионщиками, издателями, со всеми, с кем он работал. Позадавай наши обычные вопросы. Есть ли враги? Были ли недавно скандалы, конфликты? У нас есть контакты всех постояльцев в Доме писателей, надо сверить, не всплывет ли чье-то имя.

Вера решила, что Холли с ее резким южным акцентом должна прийти лондонской интеллигенции по вкусу. Длинные ноги, строгие костюмы – ее вполне можно представить в роли пробивной пиарщицы.

– И поговори с женщиной по имени Крисси Керр. Она руководит небольшим издательством где-то недалеко от нас. Хозяйка дома сказала, та уехала до убийства Фердинанда, но, может, она что-то заметила или почувствовала – конфликт, ссора. Пусть расскажет, что знает обо всей этой конторе.

Чарли, покопайся в биографии Джоанны Тобин. Она моя соседка, и я не хочу вмешиваться. Это будет твоя зона ответственности. Найдешь что-нибудь – сообщи мне и Джо. Подставили ее или она сама мутит воду? Я знаю, она страдает от психического заболевания и, как говорит ее сожитель однажды пыталась покончить с собой. Ее семья родом из Бристоля или откуда-то из Уэст-Кантри. Вроде она какое-то время жила во Франции. Проверь, не было ли у нее там судимостей.

Вера остановилась, чтобы перевести дух, и посмотрела через всю комнату на своего сержанта:

– Джо, ты же был со мной ночью. Я ничего не упустила?

Эшворт сидел позади всех с ручкой в руках, но Вера не была уверена, что он слушал. Может, все его записи в блокноте – просто каракули. Сидел он далековато – так не скажешь. А может, в облаках витал – вспоминал, как вчера по-особенному жена поздравила его с днем рождения.

Но Джо сразу же подал голос:

– Хозяева этого места – мать и сын. Мать – писательница и, судя по всему, подруга покойного.

Он взглянул на начальницу, чтобы убедиться, что все верно сказал. Вера кивнула.

– Как-то странно она отреагировала на убийство. Нашла тело, заорала на весь дом, но потом за ужином вела себя совершенно спокойно. Съела все со своей тарелки.

– А что такого в том, что у женщины средних лет хороший аппетит? Пускай даже и в таких непростых обстоятельствах, – вставила Вера. Собравшиеся вознаградили ее смешками.

– Судя по бумажкам, которые нам раздала Холли, это место получает дотации от Совета по искусству, – продолжил Джо. – Возможно, стоит проверить, как у них обстоят дела с финансами. Может, они проворачивали какую-то аферу, а Фердинанд узнал – чем не мотив? Не знаю, как у них все устроено, но он мог заподозрить что-то такое.

К тому же Фердинанд был человеком крупным. Вряд ли он просто смотрел и ждал, когда в него воткнут нож. Мать и сын могли накинуться на него вместе. Или один из них караулил.

– Хорошая мысль.

Все-таки бывало так, подумала Вера, что Джо Эшворт оказывался полезным. Надо иногда ему об этом говорить.

Пол Китинг, патологоанатом, был родом из Ольстера. Прямолинейный и немного угрюмый, он имел нос как у игрока в регби. Был отцом парочки уже взрослых детей. Вскрытия

он проводил обстоятельно, без лишней суеты. Вера знала коллег, даже очень опытных, которые ненавидели посещать вскрытия, но она никогда не понимала причин. Ее пугали живые непредсказуемые и опасные люди. А мертвые точно не причинят вреда.

– Почему было так много крови?

– Сердце продолжало работать, и кровь шла из открытой раны.

– Его убили на балконе?

Этот вопрос беспокоил Веру с самого начала. В комнате из стекла следов борьбы она не заметила. Там стояли тропические растения, густые и высокие, но ни один горшок не был опрокинут. Хотя Джоанна и сказала, что мебель стояла как-то иначе, беспорядка не наблюдалось. Но странно: холодный октябрьский полдень вряд ли предполагает посиделки на улице. Вера вспомнила слова Джоанны, что Фердинанд любил подслушивать. Неужели убийца застал его на балконе, когда тот слушал чей-то разговор внизу? Или Фердинанд услышал нечто такое, из-за чего его в итоге и убили?

– Думаю, да. В комнате нет крови, а вот снаружи – да.

– Фердинанд был крупным мужчиной. По крайней мере, высоким. Он должен был сопротивляться, но ни у кого из наших свидетелей ни царапин, ни ссадин.

– Да, я тоже удивился, – Китинг поднял глаза на Веру. – Я искал под ногтями частички кожи, но ничего.

– То есть он стоял там и просто позволил кому-то ударить себя ножом? Никакой борьбы?

– Он сидел, – поправил Китинг. – Ты правильно сказала: он был высоким, а, судя по углу раны, ножом его ударили сверху.

– Но зачем ему сидеть на каменном полу? В саду есть стулья, можно вынести один, если хочешь полюбоваться видом.

И снова у Веры возник образ ребенка, который играет в прятки.

– Или убийца запер дверь в зимний сад, и Фердинанд кинулся на балкон, пытаясь спастись? Возможно, он надеялся привлечь внимание оттуда. Тони прятался в углу, когда его ударили ножом.

– Звучит правдоподобно.

Китинг всегда был осторожен и мало какие версии сразу отметал.

– Но я подумал о другом. Жду результатов токсикологического анализа.

– Думаешь, его накачали наркотиками?

Китинг пожал плечами:

– Человек без сознания не будет сопротивляться. Его можно перетащить куда угодно и там убить.

Оказавшись на больничной парковке, Вера глубоко задышала, чтобы поскорее избавиться от запаха химикатов и мертвого тела. Джо стоял рядом – они приехали на его машине.

– Ты какой-то совсем тихий там стоял, – сказала она.

– А что мне было говорить?

– Джо, в чем дело? Ведешь себя как обиженная девочка. Завязывай, я такое не люблю.

– Вам не надо заниматься этим делом. Вы были в доме, когда нашли тело, и хорошо знаете подозреваемую. Объективной остаться не получится.

Джо стоял, расставив ноги и облокотившись одной рукой о крышу машины. В такой позе обычно оказываются плохие ребята, которых обыскивают копы в американских боевиках.

– У тебя на мой счет какие-то сомнения?

Вера удивилась, почему слова Джо ее так задели. Она ведь сама ему часто говорила: надо стоять на своем, отстаивать то, во что веришь. Видимо, не ожидала, что Джо начнет с нее.

– Да нет же! – почти взревел Джо. – Нет. Просто переживаю, как все это выглядит со стороны.

– Приятель, ты же знаешь, это меня мало волнует.

Джо смягчился и слегка усмехнулся.

– Если хочешь знать, днем у меня назначена встреча с нашим главным. Видимо, придется оставить тебя за всем присматривать – пойдешь собирать свидетельские показания.

Эшворт развернулся и оказался лицом к лицу с Верой.

– Вы сказали ему, что это насчет вашего участия в расследовании?

– Неужели ты думаешь, я буду рисковать, когда речь идет об убийстве? Я же поэтому и сказала Чарли покопаться в прошлом Джоанны. Поэтому ты тоже будешь в курсе всего, что ему удастся узнать.

Вера поняла, что потихоньку начинает брать верх. Она устроилась на пассажирском сиденье и стала ждать, когда Джо тоже сядет в машину. Как доберутся до Дома писателей, надо улучшить минутку и позвонить главному – договориться о встрече.

Глава 9

Нина Бэкворт уже давно плохо спала. Даже когда повезет – ей редко удавалось проспать всю ночь. Максимум – часа четыре-пять.

Нормальный сон стал для нее навязчивой идеей, которая все никак не давала покоя. Она отказалась от кофеина (в любом его виде), следила за питанием. Какое воздействие на организм оказывают те или иные продукты? Негативное? А может, позитивное? Алкоголь она почти не пила; от него становилось только хуже. Принимать таблетки ей не хотелось, но вдали от дома, особенно если на следующий день нужно на работу, она принимала снотворное, которое ей прописал сочувствующий терапевт. Накануне вечером Нина приняла таблетку и почти сразу же уснула, но проснулась снова рано утром – в голове кружились мысли, от которых становилось не по себе. Собираясь на завтрак, она чувствовала сильное напряжение, сил почти не было.

И как только она ввязалась в эту авантюру? Она преподаватель кафедры английского языка в университете Ньюкасла, читает лекции бакалаврам, специализируется на женской прозе. Масскульт ее не интересовал. По крайней мере, в профессиональной жизни. Да, Нина могла полистать детективчик, когда хотелось отвлечься, лежа с гриппом, или если нужно выкинуть из головы очередного любовника. Хотя последнее сейчас было не то чтобы очень актуально. Детективы издательства «Пенгвин» в потрепанных зеленых обложках, утащенные из дома бабушки и дедушки, или серия в твердом переплете «Коллинз крайм клуб», взятая в библиотеке, спасали ее от бессонницы, когда Нина была студенткой.

Такую литературу, конечно, нельзя ни воспринимать, ни преподавать всерьез. Но Крисси Керр, ее редактор, настояла: «Тебя публикует крошечное издательство с маленьким бюджетом. Если каждый участник курса купит хотя бы одну твою книгу – уже хорошо. И буклет с этими курсами рассылают повсюду. А еще Миранда Бартон обещала большую статью в “Джорнал”».

И Нина согласилась. Провести целую неделю за городом – предложение очень соблазнительное. Да и гонорар тоже весьма кстати.

А потом произошло убийство. Какая банальщина, если не сказать нелепость. Если б ей принесли рассказ с подобным сюжетом, она бы, без сомнений, подняла его на смех. Чистая Агата Кристи – в плохом смысле. И то, что убили именно Тони Фердинанда, надо еще хорошенько осмыслить. Но сейчас она слишком устала, чтобы о чем-то думать. Может, перед первым семинаром будет время пройтись по пляжу и проветриться.

В столовой блюда с едой были выставлены на буфете. Миранде хотелось сохранить атмосферу эдвардианского особняка, хотя здесь не было горничных в фартучках, только сама Миранда и ее сын. Нина заметила, что она пришла почти последней. Они снова все сидели за одним большим столом, но обслуживали их только на ужине. За завтраком каждый накладывал еду себе самостоятельно.

Нина положила в тарелку салат из свежих фруктов, опустила пакетик травяного чая в кружку с горячей водой и поняла, что люди вокруг ведут себя так, будто никакого убийства вчера не произошло. Напротив нее за столом, уткнувшись в «Телеграф», сидел писатель Джайлс Рикард. Среди участников шел разговор о писательстве и бесплодных поисках агента или издателя. Не говорит ли это о том, что начинающий писатель слишком заиклен на себе? А может, дело в двух полицейских, оставленных здесь на ночь, которые тоже сидели в столовой и всю ночь налегали на яичницу с беконом. Нина ждала, что вскоре появится вчерашняя толстуха-детектив, но в штатском никто так и не появился. Через некоторое время полицейских сменили двое других, неловко расположившихся возле входных дверей с таким видом, будто они не понимали, что тут делают. Нина захватила куртку из своей комнаты и обратилась к одному из них.

– Хочу прогуляться по пляжу, – сказала она. – Вы не против?

Мужчина был очень молод, свеж и полон энтузиазма. Наверное, это его первое убийство, и он был рад участвовать в расследовании. Вполне возможно, он проснулся сегодня, думая, что жизнь прекрасна и у него лучшая работа на свете.

– Вы ненадолго?

Она пообещала, что не задержится – через час урок. Но подышать свежим воздухом и размяться хотелось.

– Если не удастся выбраться хоть ненадолго – я сойду с ума.

Полицейский посторонился, пропуская ее, и пожелал вслед:

– Приятной прогулки!

Алекс Бартон наполнял кормушки для птиц рядом с террасой. Он был так сосредоточен, что не заметил ее. Нина понаблюдала за ним с минуту и отметила, как привыкли к нему эти маленькие птички. Они сидели на столе в нескольких сантиметрах от Алекса, явно не беспокоясь о его близости. Малиновка расположилась на деревянной подставке, на которой стояла узкая клетка с кормом.

Дорожка вела прямо из сада к пляжу. В отлив здесь был песок, а во время прилива виднелись только камни и галька. Утром стелился туман, а сейчас уже пробивалось солнце, светившее ей прямо в глаза. Знакомый запах соли и подгнивающих водорослей напомнил ей о детстве и каникулах. Вовсю кричали чайки. В какой-то момент она оглянулась на дом, увидела комнату из стекла, в окнах которой отражался солнечный свет. Но из-за навеса было совершенно неясно, что творится на балконе.

Как хорошо оказаться на улице после замкнутого, давящего пространства дома. Вода была спокойной и как будто маслянистой. Нина отыскивала несколько плоских камешков, собираясь запустить их по водной поверхности. Один из снарядов отскочил целых пять раз, и она обрадовалась. Снова вспомнилась юность, каникулы в доме бабушки и дедушки – лето с Энид Блайтон, лето исследований и пикников.

Вернувшись в дом, Нина заметила облегчение в глазах молодого полицейского. Как забавно. Может, ему сделали выговор за то, что он выпустил ее на прогулку, и пообещали большие неприятности, если она сбежит. Ни Веры Стенхоуп, ни ее коллеги по-прежнему видно не было. *Может, все закончилось*, подумала она. *Арестовали эту Джоанну Тобин и к нам приходить больше не будут.* Нина вспомнила о коротком рассказе Джоанны, который женщина сдала буквально накануне. Та явно гордилась тем, что написала.

Нина как раз заходила в дом, когда подъехал микроавтобус, из которого высыпала болтающая и смеющаяся группа людей в форме. Она долго не могла понять, зачем они прибыли, а потом наконец смекнула – будут обыскивать сад. Потом весь день то и дело мелькали их лица: они бродили по лужайкам, рыскали среди деревьев.

Алекс тоже вернулся в дом. Он, согнувшись, чистил каминную решетку в гостиной и сметал остатки золы в большой плоский ржавый совок. На нем были джинсы и обтягивающая черная футболка. Нина и раньше замечала, что ему никогда не холодно.

Он услышал, как она вошла, и обернулся.

– Прошу прощения. Убраться здесь надо было еще вчера вечером. Но после того, что случилось...

– Как Миранда себя чувствует?

На самом деле ее совершенно не заботило самочувствие Миранды. Женщина ей не понравилась с той самой минуты, как она оказалась в Доме писателей. Может, даже раньше. Но Нина из вежливости решила поинтересоваться.

Алекс выпрямился и высыпал пепел в металлическое ведро.

– В порядке. Они с Тони не особо близко общались. По крайней мере последнее время – точно нет. Да и по работе последние несколько лет они тоже ничего вместе не делали. Но его убийство, конечно, шокировало ее. Думаю, отсюда и истерика.

– А я думала, они большие друзья.

По крайней мере, Фердинанду очень нравилось делать вид, что так оно и есть.

Молодой человек резко посмотрел на Нину:

– Когда-то давно – да. Сейчас уже нет.

Нина достала конспекты. Это была стандартная лекция о структуре короткого рассказа. Она уже столько раз проводила подобную лекцию, что могла прочесть ее с закрытыми глазами. Нина взглянула на часы – оставалось десять минут. Скоро начнут собираться заинтересовавшиеся слушатели.

Прошел час, и они сделали перерыв на кофе. Лекция прошла неплохо: участники курса смеялись в нужных местах, выглядели сосредоточенными, вели записи. Нине нравилось преподавать взрослым людям даже больше, чем ее обычным студентам старших курсов, которые любили держаться холодно и незаинтересованно. Но сейчас складывалось впечатление, что все действует словно на автомате. Неужели они думают о настоящем преступлении, пока Нина рассуждает о вымышленных?

– Рассказ – это всегда «что, если?», – говорила она. – Что, если этот персонаж поступит вот так? А что, если все вовсе не так, как кажется.

Попивая черный кофе без кофеина и прислушиваясь к ведущимся вокруг разговорам, Нина понимала, что у нее есть парочка своих вопросов: вдруг Джоанна Тобин все-таки не убивала Тони? Что будет, если я расскажу детективу все, что знаю о Тони Фердинанде?

После перерыва Нина дала группе упражнение. В комнате было тихо и тепло – работали батареи и грело солнце, проникавшее сквозь большие окна. Она начинала думать о своем – о том, что было на самом деле, и своих мечтах. Вот чем занимаются писатели, думала Нина. Всегда что-то выдумываем, даже если пишем о себе. И все наши воспоминания немножко додуманы, подправлены. Она считала себя писательницей, хотя ее работы публиковались только в небольшом независимом издательстве, расположенном в диких землях Нортумберленда.

В ее рассказе (или в ее воспоминаниях) ей был двадцать один год. Яркая молодая девушка, только что окончившая Бристольский университет. Диплом с отличием, специальность – английская литература. Она проводила лето в доме бабушки и дедушки в Нортумберленде, вечерами работала в местном пабе, а днем писала. Роман, конечно. Прекрасный женский роман о взрослении и любви. Книга была радостная, живая, думала Нина. Легкая, как ручей. Тем прекрасным летом она сидела в саду за шатким деревянным столом с ноутбуком, выстукивая по две тысячи слов в день. Сейчас она так писать уже не сможет – слишком циничной стала. А бабушка с дедушкой восхищенно за ней наблюдали и прерывали ее только иногда, принося что-нибудь попить, малину из сада или кусочек домашнего пирога.

Нина заерзала на стуле и взглянула на часы. Время, отведенное группе на упражнение, закончилось. Теперь они будут зачитывать свои работы вслух, а она даст им умные, полезные и добрые советы. Ее собственный рассказ подождет.

Толстуха-детектив неожиданно нагрянула во время обеда. Она пришла с симпатичным помощником и наливала суп в тарелку так, будто не ела пару недель, отрезая себе вдобавок толстые ломти свежее испеченного хлеба и намазывая их маслом.

Нина наблюдала за ней с другого конца стола. Она пыталась прислушаться к разговору детективов, но рядом сидел Ленни Томас, требовавший, чтобы на него обратили внимание и приободрили.

– Вы думаете, у меня есть шансы попасть на курс в Святую Урсулу? Даже после смерти Тони Фердинанда?

– Я думаю, вы могли бы найти издателя, но не уверена, что Святая Урсула сейчас вам особенно нужна. У вас свежий и оригинальный взгляд. Издатели это заметят. Тони Фердинанд им для этого не нужен. И вы мечта любого пиарщика. Были в тюрьме, родом из шахтерского

поселка. Вас раскрутить гораздо проще, чем женщину с хорошим достатком или университетскую преподавательницу средних лет. Все среднее чаще всего посредственное.

Нина поняла, как жалко звучит. И как завидует этому восторженному мужчине, вдруг открывшему для себя страсть к писательству. Тому, как легко ему увлечь читателя простотой своего слога, достоверностью описаний. Она повернулась к соседу слева. Марк Уинтертон, может, и скучный, зато с ним не чувствуешь себя неловко. Писал он крепко, но примитивно, без искорки и юмора. Польза для слушателей курса от него была в том, что раньше он работал полицейским. Высокий, седовласый, вежливый, Марк отвечал на вопросы слушателей о криминалистике, судебной системе, различных процедурах и делал это всегда дружелюбно и приветливо.

– Это для вас странно, наверное, Марк, – начала Нина. – В смысле, наблюдать за расследованием со стороны.

– Да, странно.

Он был неместным и говорил с северным акцентом, который Нина раньше не слышала.

– Вы не жалеете, что ушли? – спросила она с искренним интересом. – Разве после такой ответственной и сложной работы жизнь не кажется слишком тихой? Вы поэтому начали писать о полицейских буднях? Чтобы вспомнить, каково было?

Марк осторожно покачал головой:

– Работа у меня была очень напряженная, и вы даже не представляете, как я рад, что теперь это все в прошлом.

– Тогда почему вы решили заняться детективами?

– Я прочитал все пособия, – сказал он так, будто ответ был очевиден. – О том, как стать писателем. Во всех говорится, что писать нужно о том, что знаешь. На службу я пошел в шестнадцать. Больше ничего и не знаю.

– Но жизнь не ограничивается работой.

Нина задумалась, так ли это в ее случае. Она же вечно прикрывалась работой, избегая отношений.

– Вы женаты?

Марк улыбнулся:

– Разведен. Работа сказалась. Два сына, пять внуков.

Он сделал паузу.

– Была еще дочь, но она умерла совсем молодой.

– Тогда вы могли бы писать детскую фантастику. Или о том, что такое потерять ребенка. Вы же знаете это.

– Думаете, можно сделать рассказ из личной истории?

– Не всегда, – ответила Нина. – Но это возможно. Если захотите попробовать, я буду рада помочь.

– Спасибо, ловлю на слове!

Его лицо вдруг просияло, и Нина решила, что свой гонорар она отработала одним только этим разговором. На другом конце стола инспектор Стенхоуп уже закончила обедать и встала. Нина заметила, что та забрызгала супом кофту, и ей захотелось взять салфетку и почистить ее.

– Дамы и господа, нам очень жаль, но мы вынуждены снова вас побеспокоить.

Ничего подобного, подумала Нина. Тебе все это очень нравится. Ты не такая, как Марк Уинтертон. Ты любишь постоянное напряжение. Наверное, думаешь, что все мы здесь – страшные снобы и кое-какие неудобства нам не повредят.

Инспектор продолжила:

– Сегодня днем мы соберем показания свидетелей. Мы с сержантом Эшвортом будем в часовне. Вас вскоре позовут. Будем признательны, если на время нашей работы Дом писателей вы покидать не будете.

Нине показалось или это действительно выпад в ее сторону – после вчерашних замечаний и утренней прогулки? А затем, как бы подкрепляя это предположение, инспектор, помолчав, оглядела комнату и сказала:

– Начнем, наверное, с мисс Бэкворт?

Глава 10

Для допросов и бесед Вера выбрала часовню. Ей хотелось найти место, где никто не помешает и не сможет подслушать. Часовня вполне подходила. Внутри не было закрепленных скамеек, и она подтащила стулья к столу, который стоял на месте алтаря. Показать ей часовню она попросила Алекса. С ним общаться проще, чем с Мирандой, да и Вера всегда была неравнодушна к мужчинам, умеющим готовить.

– Мы здесь топим, чтобы не было сырости, – объяснил он. – Слушатели курсов приходят сюда, когда хотят пописать в тишине.

Помещение было почти пустым и совсем простым. Ни витражей на окнах, ни витиеватой резьбы. Размером часовня едва ли дотягивала до гостиной Веры. Стены неоштукатуренные, потолок деревянный.

Вера решила, что ничего страшного не будет, если она попросит Нину Бэкворт подождать, пока они готовят комнату. В теории Вере нравились женщины с характером, но на деле они часто ее раздражали. И эта Нина, говорившая громко, заявлявшая об их ущемленных правах и пытавшаяся сопротивляться, явно раздражала. Да и было в этой женщине что-то пугающее, вызывавшее такое отношение. Что-то – это ее дорогая стрижка, красная помада, приталенный льняной пиджак и широкие брюки, все черного цвета. Черные остроносые туфли на каблуках. По словам парня, дежурившего у входа, с утра перед лекцией Нина ходила на пляж. Неужели и гулять она ходила в таком виде? Разве в такой обуви пройдешь по камням и гальке? Будь Нина Бэкворт некрасивой, плохо одетой женщиной, Вера отнеслась бы к ней куда доброжелательней. Теперь же инспектор решила: Нине лучше будет подождать. Как будто та студентка, а Вера – преподаватель.

– Приятель, позовешь ее?

Вера поставила стол так, чтобы он стоял лицом к двери. Перед ней – стул для свидетеля. Джо Эшворт сядет сбоку, вне зоны видимости. Будет вести записи.

Джо вернулся, а за ним вошла Нина. Она заняла предложенное место. Вере женщина показалась бледной и неуверенной, и она прониклась к ней легким сочувствием. Возможно, макияж и изысканная одежда – всего лишь защита. У каждого свой способ противостоять враждебному миру.

– Хотите чего-нибудь? – предложила Вера. – Кофе? Воды?

Судя по всему, такого вопроса Нина совсем не ожидала. Доброта порой – прекрасное оружие. Но Нина покачала головой:

– Нет, спасибо.

– Это неформальная беседа, – объяснила Вера. – Ничего такого. Пока что. Позже мы возьмем официальные свидетельские показания, которые можно будет использовать в суде. Но мне нужно понять, что здесь произошло и какие люди тут собрались. – Вера с любопытством поглядела на Нину. – Мне кажется, писатели – те еще проныры. Прямо как полицейские. Вы же собираете материал для своих книг, подмечаете характер, описываете место действия. Надо интересоваться всем подряд, потому что никогда не знаешь, что в итоге пригодится.

– Да, – согласилась Нина. – Именно так.

Вере показалось, что женщина взглянула на нее по-новому, с уважением.

– Вот и я такая же, – продолжила Вера. – Некоторые говорят, я просто собираю сплетни, но нет, я навожу справки.

Нина расслабилась и слегка улыбнулась.

– Расскажите мне о профессоре Тони Фердинанде. Что он был за человек? Вы были знакомы до того, как оказались здесь, в Доме писателей?

Обыкновенный вопрос, и Нина наверняка понимала, что ей его зададут, но все равно колебалась. Вере решила, та раздумывает, о чем стоит говорить, а о чем нет. Она откинулась на спинку стула, будто у нее уйма времени, она никуда не торопится, а молчание собеседницы – совершенно естественно.

– Я уже говорила, он некоторое время курировал меня в колледже Святой Урсулы.

Вера положила локти на стол.

– Что это значит? Я никогда не училась в колледже. Как там все устроено? Новый мир для меня.

– Я тоже не знаю, как должно быть устроено. Возможно, мне просто не повезло.

– Тогда расскажите, как было у вас.

Нина отвернулась к длинному окну и заговорила, не глядя на Веру:

– Я была совсем молоденькой, когда написала свою первую книгу. Только что окончила университет, лето провела неподалеку отсюда. Бабушка и дедушка жили на побережье Нортумберленда, и у них я всегда чувствовала себя как дома, не то что с родителями. – Как бы извиняясь, она пожала плечами: – Извините, все это никакого отношения к делу не имеет.

– Ничего, это же как раз сплетни. А что может быть лучше?

– Моя первая книга – такое пишут только раз в жизни. Я совершенно не знала правил драматургии. Все, что мы рассказываем здесь на курсе, – для меня было темным лесом. Но сюжет и персонажи – все складывалось как по волшебству. Самое счастливое лето в моей жизни.

Вера подумала, что точно так же бывает с расследованиями. Все складывается как пазл. Инстинкт сыщика и надежная полицейская работа сходятся воедино. И нет ничего более захватывающего.

Нина замолчала, углубившись в свои воспоминания, поэтому Вера задала следующий вопрос:

– Так как Тони Фердинанд появился в вашей жизни?

– Я слышала его по радио, читала рецензии, восхищалась им. Мне казалось, он страстно любит литературу, поддерживает молодых писателей. Он тогда только открыл новую программу по писательскому мастерству в колледже Святой Урсулы. Эдакий герой. А потом я совершенно случайно встретила его в гостях. Друзья бабушки и дедушки, живущие неподалеку, отмечали годовщину свадьбы. Не знаю, как он там оказался. Думаю, отдыхал где-то рядом. Позже я узнала, что ему с легкостью удавалось пробираться на такие сборища и в дорогие рестораны. Он работал внештатным журналистом. Платили наверняка мало. А вкус у него – будь здоров.

Вера кивнула, припоминая одежду в его гардеробе.

– Такая удача! – продолжала Нина. – Совершенно случайно с ним встретились. Мне даже не верилось. Я-то на это празднество пришла, только чтобы порадовать бабушку с дедушкой. Но стоило мне зайти, как я услышала его голос. Я бы узнала его из тысячи... – Нина помолчала, потом вновь принялась за рассказ: – Понимаете, я же была совсем юной, очень наивной. Достаточно немного меня похвалить – и я верила. Тони расспрашивал меня о моей книге. Я только потом поняла, что всем остальным женщинам на том вечере было за пятьдесят и, конечно, ему льстило мое внимание. Я развлекала его около часа, а он распивал бутылку шампанского наших хозяев. «А почему бы вам не подать заявление в колледж Святой Урсулы? – спросил он напоследок, когда мы уже уходили. – Дайте мне посмотреть ваш роман» – и протянул визитку.

– Вы, наверное, были вне себя от счастья. Такой знаменитый человек заинтересовался вашей работой...

– Да, вне себя!

Нина взглянула на Веру, желая убедиться, что та поняла, как много значило то, что она сейчас рассказала.

– Такое чувство, будто тебе снова шесть, ты просыпаешься в Рождество и тебя ждет подарок, о котором втайне мечтал весь год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.